

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 3 ЯНВАРЬ 1977

ЗЕМЛЯ
С БОРТА
«СОЮЗА-22» —
ПЕРВАЯ
ПУБЛИКАЦИЯ
ЦВЕТНЫХ
ФОТОГРАФИЙ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 3 (2584)

15 ЯНВАРЯ 1977

Тщательно следит за качеством продукции контролер крутильного участка Людмила Фурман.

ПО В

адреса
великих
свершений

Секретарь парткома Владимир Иванович Земсков беседует с заводской молодежью.

ЫСШЕМУ КЛАССУ

С. КАЛИНИЧЕВ,
фото Н. КОЗЛОВСКОГО,
специальные корреспонденты
«Огонька»

Есть такая шутка про незадачливого шофера, искавшего «искру»,— никак не мог завести машину, долго путался в проводах и проводочках, которых набиралось метров до двадцати...

Ну а общая длина проводов, идущих к приборам, датчикам, фонарям автомобиля «Жигули», составляет почти 280 метров! И тут уже не только к водителю, но и к са-

См. стр. 4—5.

Во время митинга-встречи. Фото А. Пахомова

ДЕМОНСТРАЦИЯ БРАТСКОЙ СОЛИДАРНОСТИ

4 января в Москве состоялся митинг-встреча представителей трудящихся столицы, советских общественных организаций с Генеральным секретарем Коммунистической партии Чили товарищем Луисом Корваланом.

Вместе с товарищем Л. Корваланом в президиуме — член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС А. П. Кириленко, член Политбюро ЦК КПСС, председатель Комитета партийного контроля при ЦК КПСС А. Я. Пельше, член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь МГК КПСС В. В. Гришин, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев, а также член ЦК КПСС, председатель ВЦСПС А. И. Шибаев, член ЦК КПСС, первый секретарь МК КПСС В. И. Конотоп, член ЦК КПСС, первый секретарь ЦК ВЛКСМ Е. М. Тяжельников, секретари МГК и МК партии, руководители советских общественных организаций, передовики производства, деятели науки и культуры.

Здесь же — Генеральный секретарь ЦК Бразильской коммунистической партии Л. К. Престес, Председатель Коммунистической партии США Г. Уинстон, Первый секретарь ЦК Коммунистической партии Уругвая Р. Арисменди, исполнительный секретарь Народного единства Чили К. Альмейда, председатель Всемирной федерации профсоюзов Э. Пасторино, члены Политкомиссии ЦК Компартии Чили Г. Марин, О. Мильяс, А. Соррилья, В. Тейтельбойм, заместитель генерального секретаря социалистической партии Чили А. Сепульведа, член ЦК рабоче-крестьянской партии МАПУ Чили Х. Эстевес, председатель Международной комиссии по расследованию преступлений военной хунты в Чили Я. Седерман, президент Всемирной федерации демократической молодежи П. Лапичирелла.

Митинг открыл товарищ В. В. Гришин.

От имени Московского городского комитета Коммунистической партии Советского Союза, коммунистов и трудящихся Москвы он горячо и сердечно приветствовал большого друга Советского Союза, несгибаемого борца за идеалы коммунизма, пламенного революционера товарища Луиса Корвалана.

Слово предоставляется члену Политбюро ЦК, секретарю ЦК КПСС А. П. Кириленко.

Борьба за освобождение товарища Корвалана, сказал А. П. Кириленко, стала яркой демонстрацией великой роли и действенности пролетарского интернационализма. Она убедительно показала, какой гигантской силой является международная солидарность трудящихся различных стран, всех, кому дороги идеалы свободы и гуманизма.

Мы твердо уверены, подчеркнул товарищ А. П. Кириленко, что чилийский народ сбросит оковы фашистской диктатуры и непременно победит!

Речь товарища А. П. Кириленко была выслушана с большим вниманием и неоднократно прерывалась продолжительными аплодисментами. В зале звучали здравицы в честь ленинской партии, пролетарской солидарности и интернационализма.

Затем выступили исполнительный секретарь Народного единства Чили К. Альмейда, председатель Международной комиссии по расследованию преступлений военной хунты в Чили Я. Седерман — депутат парламента Финляндии, бригадир кузнецов автозавода имени Лихачева В. Е. Сапожников, председатель Всемирной федерации профсоюзов Э. Пасторино.

Слово предоставляется Генеральному секретарю Коммунистической партии Чили Луису Корвалану. Участники митинга встречают выдающегося деятеля чилийского и международного коммунистического и рабочего движения бурной, продолжительной овацией.

Товарищ Л. Корвалан выразил благодарность советскому народу, Коммунистической партии Советского Союза, Центральному Комитету КПСС и Генеральному секретарю ЦК КПСС товарищу Леониду Ильичу Брежневу. Ваша огромная, всесторонняя солидарность с народом Чили, сказал он, является ярким подтверждением верности ленинским принципам, пролетарскому интернационализму, борьбе против фашизма, где бы он ни появился, делу свободы всех народов земного шара.

Участники митинга выслушали речь товарища Л. Корвалана с большим вниманием, неоднократно прерывали ее продолжительными аплодисментами. Заключительные слова были встречены бурной, долго не смолкающей овацией.

Митинг прошел в обстановке большого политического подъема, ярко продемонстрировал классовую солидарность советских людей с чилийскими трудящимися, всемерную поддержку ими борьбы против реакции и фашизма.

НАВСТРЕЧУ 60-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

Центральный Комитет КПСС, Совет Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ выражают твердую уверенность в том, что рабочие и колхозники, инженерно-технические и научные работники, все труженики промышленности, сельского хозяйства, строительства, транспорта и других отраслей народного хозяйства еще шире развернут всенародное социалистическое соревнование за претворение в жизнь решений XXV съезда КПСС, успешное выполнение и перевыполнение заданий десятой пятилетки, новыми трудовыми успехами встретят 60-летие Великой Октябрьской социалистической революции, внесут достойный вклад в дело строительства коммунистического общества в нашей стране.

Из Постановления ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ о Всесоюзном социалистическом соревновании за повышение эффективности производства и качества работы, успешное выполнение заданий десятой пятилетки.

Швея-мотористка ленинградского объединения «Первомайская заря» Г. М. Федянова (в центре) решила завершить пятилетку к 60-летию Великого Октября.
Фото С. Смольского (ТАСС)

Центральный Комитет КПСС призывает колхозников, рабочих совхозов, механизаторов, ученых, специалистов сельского хозяйства, работников промышленности, поставляющей селу материально-технические средства, активно включиться в социалистическое соревнование за достижение в 1977 году высоких рубежей в сельском хозяйстве и выражает уверенность, что они впишут в юбилейном году новую, яркую страницу в развитие этой жизненно важной отрасли нашей экономики.

Из Письма Центрального Комитета КПСС колхозникам, рабочим совхозов, механизаторам, ученым, специалистам сельского хозяйства, работникам промышленности, поставляющей селу материально-технические средства, всем трудящимся Советского Союза.

ОСНОВЫ БУДУЩЕГО УРОЖАЯ

Г. А. МОХУНОВ,
первый секретарь Бузулукского горкома партии, Герой Социалистического Труда

Сельские труженики Оренбуржья добились в прошлом году немалых успехов. Мы горды тем, что в этом весомом каравае есть и наш вклад. Двадцать три колхоза и три совхоза Бузулукского района собрали рекордный урожай — по 19 центнеров зерновых на круг. А на Красногвардейский элеватор, который, кстати, вошел в строй как раз к урожайной страде, мы сдали девять миллионов пудов хлеба! И это несмотря на то, что погода нас не баловала.

В письме Центрального Комитета КПСС говорится, что в 1977 году перед колхозами и совхозами стоят новые, более ответственные задачи, а погода опять может оказаться неблагоприятной, и надо заблаговременно быть готовыми к любым неожиданностям.

Мы понимаем это так, что надо как следует провести снегозадержание, подготовить семена, своевременно внести удобрения, качественно отремонтировать технику, обучить кадры механизаторов. Все эти вопросы стоят сейчас во главе угла работы горкома партии, партийных организаций хозяйств, всех тружеников села. Кроме подготовки к севу, перед нами стоит и другая, очень важная задача — успешное проведение зимовки скота. И хотя зима у нас достаточно суровая, мы уверены, что и с этой задачей справимся. Недаром наши животноводы подхватили патриотический почин киевлян и по производству молока уже в этом году обязались выйти на уровень 1978 года.

В заключение я хочу сказать, что все труженики Бузулукского района, обсуждая письмо ЦК КПСС, намечают конкретные меры по осуществлению тех указаний, которые в нем прозвучали.

Успех будущего урожая закладывается зимой — идет снегозадержание на полях Алтая.
Фото В. Садчикова (ТАСС)

ВЕЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ

Сергей ЛОСЕВ

Углубление разрядки, достижение реального прогресса на путях разоружения и сдерживания гонки ракетно-ядерного оружия — все эти проблемы стоят в центре внимания участников Всемирного форума миролюбивых сил, открывающегося 14 января.

В Москву на эту встречу собрались представители политических партий самых разнообразных направлений, делегаты профсоюзов, женских, молодежных, религиозных, правительственных и неправительственных международных организаций, видные политические и общественные деятели.

Многие из них три года назад, когда состоялся Всемирный конгресс миролюбивых сил, были сторонними наблюдателями. Но несомненная активизация в США, ФРГ и других странах НАТО сил реакции и милитаризма встревожила людей доброй воли, всех, кто искренне стремится не допустить сползания к термоядерной войне.

Враги мирного сосуществования образуют хотя и разношерстную, но довольно широкую и весьма влиятельную коалицию. В Соединенных Штатах, например, наряду с патентованными ультраправыми группировками, вроде ущербного «Общества Джона Берча», «Лобби свободы», движения Уоллеса, «Американской партии» и «Американской независимой партии», насчитывающих вместе максимум миллион активистов, теперь плодятся такие организации, как «Комитет по существующей опасности», претендующие на влияние в основных партиях крупного капитала — республиканской и демократической. Проиграв борьбу за Белый дом, ультраконсерваторы развернули сейчас оголтелую кампанию давления на новую администрацию Дж. Картера, и заглавную роль в этом предприятии играют фигуры из доживающего последние дни республиканского правительства — директор ЦРУ Дж. Буш, министр обороны Д. Рамсфелд, только что ушедший в отставку шеф разведки ВВС Д. Кигэн. В одной лодке с ними оказались и демократы: Джордж Мини и профессор-«либерал» Ю. Ростоу.

Мимикрия этих деятелей порой бывает утонченной, но все они поклоняются и служат одному идолу — военно-промышленному комплексу. Под прикрытием лживой и злобной кампании против мнимого «стремления Советского Союза к стратегическому военному превосходству над США» эти круги домогаются увеличения ассигнований Пентагону на 1978 финансовый год до 123 миллиардов долларов, пытаются форсировать гонку ракетно-ядерных вооружений, являющуюся источником огромных барышей и влияния военного промышленного комплекса, ощутимого не только в самих США. Разве «дело Локхид», а также не столь громкие, но не менее скандальные аферы «Грумман», «Нортроп» и других американских корпораций не свидетельствуют о растлевающем влиянии военно-промышленных монополий США в Японии, Иране, ФРГ, Голландии, во всем так называемом свободном мире?

Разве не подголоски межнациональных корпораций и своих «родных» европейских военно-промышленных концернов заполняют в эти дни эфир и прессу Западной Европы истошными призывами к проведению «жесткого курса» в отношении социалистического содружества, читают новому американскому президенту Дж. Картеру нравоучения о том, как ему следует вести себя в отношении нашей страны?

Но, господа, ведь все это уже было! Была и «холодная война», и «жесткий курс», и лихорадочные «качественные скачки» в гонке ядерных вооружений, и попытки «измотать» Советский Союз этой гонкой, и даже ядерный шантаж. Как отмечается в январском исследовании института Брукингса, начиная с 1945 года Вашингтон 215 раз прибегал к использованию вооруженной силы или угрозе силой «для поддержания своих внешнеполитических акций». В 33 ситуациях США угрожали применением ядерного оружия. Но результаты вышли совсем иные.

Надо ли говорить о том, что при нынешнем соотношении сил на международной арене старания вновь применить против СССР эти потрепанные средства из арсенала империализма не имеют никаких шансов на успех.

Участники Всемирного форума миролюбивых сил превосходно отдают себе отчет в том, что без успехов в борьбе за мир и ограничение гонки вооружений не может быть подлинного прогресса.

В начале семидесятых годов правящий класс США вынужден был пойти на некоторое увеличение в федеральном бюджете доли ассигнований на просвещение, здравоохранение и социальное обеспечение. Но произошло это в значительной мере под влиянием мощного антивоенного движения, зародившегося в годы вьетнамского конфликта и слившегося затем с движением за гражданские права.

Последующий спад сопротивления засилью военно-промышленного комплекса позволил конгрессу и правительству вновь принести внутренние программы в жертву ненасытным аппетитам Пентагона, несмотря на то, что хронические проблемы безработицы, расизма, нищеты, кризиса крупных городов за всю двухсотлетнюю историю Америки никогда не ощущались так остро, как теперь.

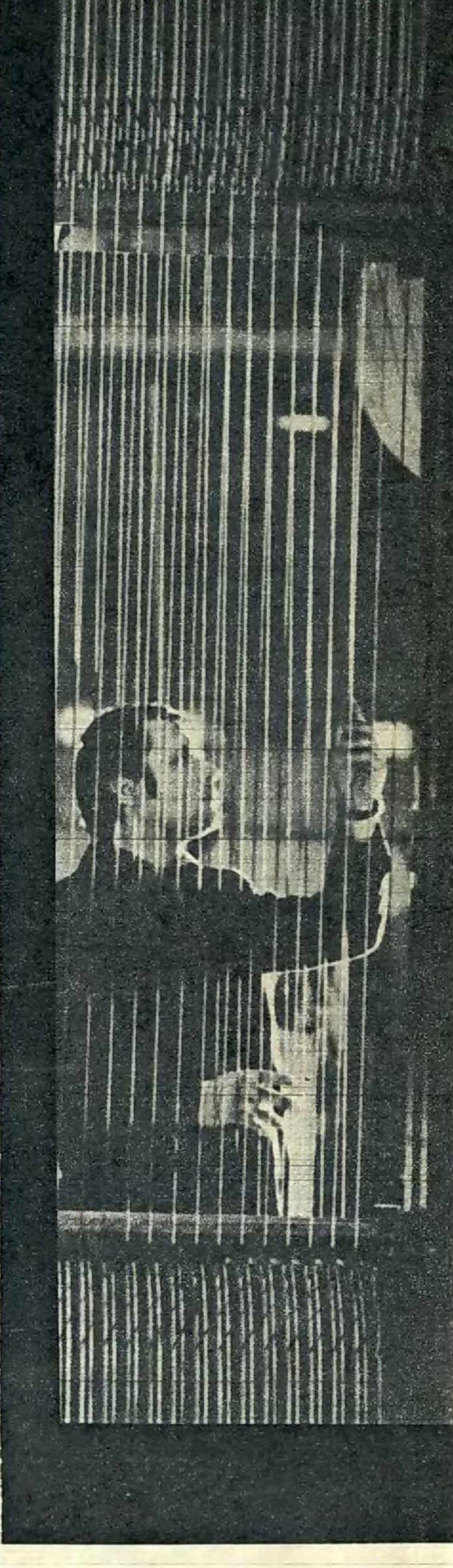
Участие народных масс в движении за мир, за необратимость разрядки — это залог успеха борьбы за свертывание гонки вооружений, за улучшение советско-американских отношений, от состояния которых зависит и общий международный климат.

Что касается СССР, то, как подчеркнул Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев, «мы — за то, чтобы как можно скорее завершить работу над советско-американским соглашением об ограничении стратегических вооружений на основе договоренности, достигнутой во Владивостоке в 1974 году. С нашей стороны не было, нет и не будет никаких препятствий в этом деле, которое касается всего человечества».

Успешное завершение этих переговоров превратило бы 1977 год в переломный в деле прекращения гонки вооружений, в достижении благородной цели, которую ставят перед собой борцы за мир и международную безопасность.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

ПО ВЫСШЕМУ КЛАССУ

См. 2-ю стр. обложки.

мой электропроводке требования совершенно иные.

Десятки цветных жил — коротких, длинных, различного диаметра — проходят предварительную сборку и на конвейер автозавода поступают готовыми жгутами, имеющими множество ответвлений, и каждый из сотни концов оснащен клеммой или штекером.

...Один из участков огромного светлого цеха Каменец-Подольского кабельного завода представляет собой замкнутый кольцевой конвейер. По кругу движутся подвешенные к штангам шаблоны-столики. У любой из двадцати пяти монтажниц бригады Г. И. Тихоновой своя зона — свой участок пола, отделенный белой полосой от соседнего. Пока столик проплывет над зоной, а это секунд сорок, надо успеть

Передовая комплектовщица Наталия Яковец.

Директор Юрий Михайлович Куприков и председатель завкома Анатолий Анатольевич Энтц.

Мастер Николай Павлович Галак.

уложить нужные провода и вывести концы к контрольным точкам. Если провод уложен правильно и сама заготовка без изъянов, срабатывает электросигнал. Качество проверяется в процессе сборки, на каждой операции.

— Девчата у нас дружные,— говорит Галина Ивановна,— всегда друг другу помогают, заболел кто — тут же заменят, а когда приходят новенькие, опекаем всей бригадой. Ведь качество работы всего коллектива — это мастерство и добросовестность каждого, и новичка и ветерана. А ритм у нас напряженный, за смену собираем девятьсот жгутов для автомобилей Волжского автогиганта.

Каменец-Подольский кабельный завод — предприятие молодое, первую продукцию здесь выдали в 1962 году. А через несколько лет, в связи со строительством ВАЗа, началась реконструкция. Заводские специалисты трудились в тесном сотрудничестве с разработчиками ВНИИ кабельной промышленности. Проектирование шло одновременно со строительством, монтажом и освоением оборудования, которые коллектив предприятия вел своими силами.

— Так что мы не потеряли и месяца,— рассказывает директор завода Юрий Михайлович Куприков. — В семьдесят четвертом были завершены проектные работы, к концу того же года — реконструкция, а уже в следующем, семьдесят пятом, вышли на проектную мощность завода.

Комплекты проводов отсюда идут не только в Тольятти, но и на три десятка автотракторных предприятий Украины — во Львов, Кременчуг, Запорожье, Луцк... Кроме того, здесь выпускаются несколько видов сложнейшей продукции, в том числе электроды, которые вживляются в организм человека для стимулирования работы сердца, почек и других органов.

Но, конечно, главный показатель в работе коллектива — это те 79 процентов всей продукции, которая отмечена Знаком качества. Об этом говорил на октябрьском (1976 год) Пленуме ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев.

Вместе с директором завода идем по новым просторным цехам.

Медный прут, свернутый в большие бухты, поступает на волочильные машины, которые протаскивают его через калибры и волоки, пока не превратят в проволоку. Другие машины с огромными скоростями вытягивают проволоку в нити, сплетают их, и сверкающий медный тросик влетает бесконечной струей в специальный автоматический станок, откуда выходит уже одетым в нарядную оболочку — синюю, красную, желтую...

— Все операции выполняются только по высшему классу,— объясняет директор.— Чуткие приборы, своего рода электронные глаза, поставлены в ключевых точках. Направляется, скажем, на провод синтетическая рубашка и сразу попадает в зону слежения. Если прибор обнаружит малейшие, недоступные человеческому глазу отклонения от нормы, он тут же отключает автомат.

На многих участках машин больше, чем людей. Они отмеряют и нарезают провода, зачищают концы, штампуют и напрессовывают на них контактные соединения. Бригада, которая когда-то была создана для монтажа оборудования, существует и поныне. Только теперь она преобразована в бюро автоматизации и механизации.

— Мы изучаем любой полезный опыт и охотно перенимаем все лучшее, что есть на предприятиях не только нашей страны, но и Франции, Италии, Японии, куда выезжали наши специалисты,— рассказывает директор.— Особенно мы благодарны Волжскому автозаводу за бескомпромиссно высокие требования. ВАЗ — самый крупный наш потребитель, и сотрудничество с этим заводом задает тон всей нашей работе.

Вот уже второй год у нас действует новая система организации труда и заработной платы. Все службы централизованы. В цехах нет своих ОТК, своего энергетика, технолога, нормировщика. Все подчинены общезаводским отделам. Начальник цеха руководит теперь не своим «штабом», а непосредственно цехом. Новая система оплаты исключает возможность ошибок нормирования. Самому слову «норма» возвращен его истинный смысл. Мы платим за качество, за выполнение задания, за высокий коэффициент использования времени, за мастерство.

В новом корпусе, сданном всего полтора месяца назад, обосновались слесари-инструментальщики. В их распоряжении точнейшие станки, алмазные инструменты, оптические системы слежения, которые позволяют выполнять самую тонкую и точную работу.

— Это наша опора,— говорит Юрий Михайлович.— Штампами мы обеспечиваем не только свои цеха, но и смежников, поставляющих нам комплектующие изделия. Таким образом, мы имеем возможность управлять и их качеством. Свои резервы мы используем неплохо: за прошлую пятилетку производительность труда повысили на шестьдесят пять процентов. Но сдерживают смежники. Для Волжского автозавода, например, наконечники на все провода напрессовываем. Это быстро и хорошо делают автоматы. Большинство же заводов нашей республики требует, чтобы в поставляемых им жгутах все наконечники были припаяны. Ничем, кроме косности, такое требование не объяснишь. Для ВАЗа мы делаем жгуты в специальных изоляционных трубках, а другие заводы настаивают на дорогостоящей и довольно трудоемкой нитяной оплетке, которая, кстати, не защищает ни от влаги, ни от высокой температуры, подвержена гниению. Вот и приходится иметь две технологии, что требует дополнительных затрат.

Высокая оценка труда коллектива, данная Леонидом Ильичом Брежневым, обязывает нас стремиться к дальнейшему совершенствованию, трудиться еще лучше, и нет сомнений, что мы, используя все свои творческие возможности, успешно выполним задания десятой пятилетки.

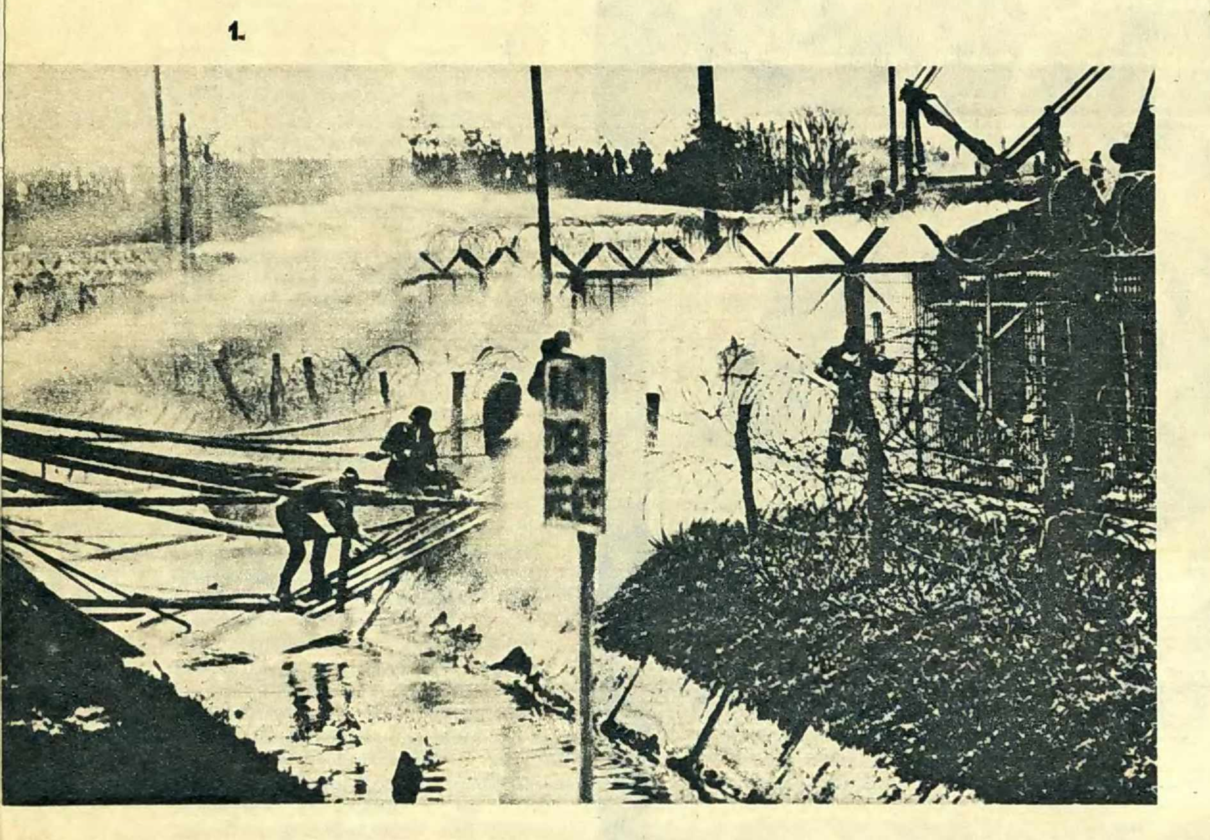

Бесправие, безработица и нищета — характерные черты современного «капиталистического рая». Новые и новые сообщения говорят о возрастающем накале классовых боев, о твердой решимости огромной армии обездоленных бороться за свои жизненные права. В отчаянной попытке взять под контроль эксплуатируемые массы, гарантировать сохранность прибылей буржуазное общество делает ставку на усиление репрессий. Оно совершенствует аппарат насилия, изыскивает новые методы подавления любого недовольства. Но общество угнетения бессильно повернуть вспять ход общественного развития.

1. Репетиция расправы с «демонстрантами», «протестующими рабочими и молодежью» в Западном Берлине. Здесь действуют подразделения местной полиции, американские солдаты и военная техника.

2. Защитники его величества капитала. Фото ТАСС

1.

2.

ПРИЗНАНИЕ

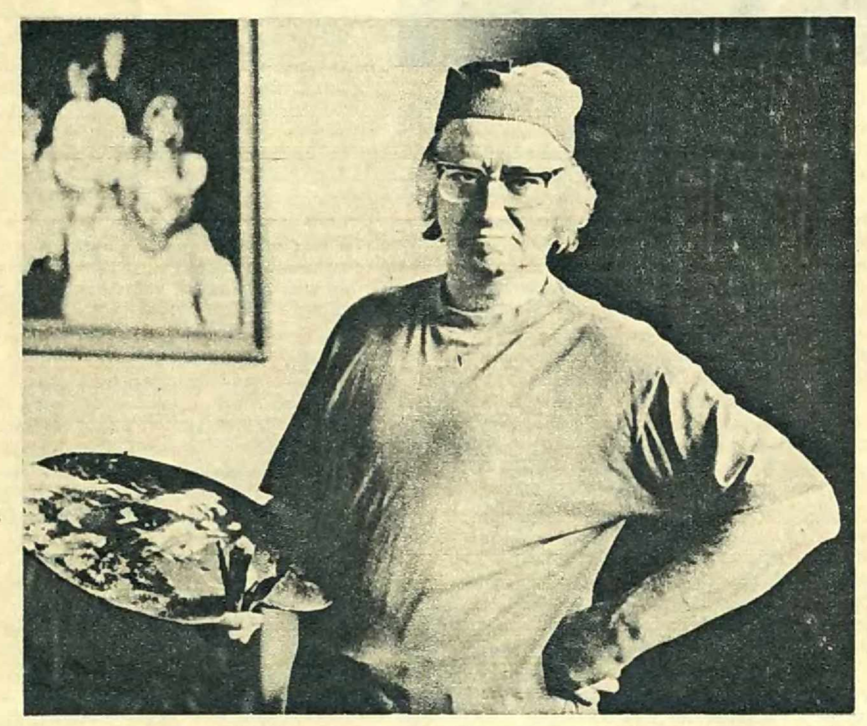
Бухарестский Музей искусств. Залы, посвященные современной румынской живописи. Здесь выставлены сотни работ уже признанных мастеров и молодых, представлена богатая палитра жанров и стилей. Их объединяет стремление отразить глубокие изменения, которые произошли в стране за годы народной власти. В образах современного рабочего, крестьянина, ученого раскрываются черты гражданина новой, социалистической Румынии.

Возле этой картины всегда подолгу задерживаются посетители. «Отдых в поле». Проникновенный образ молодой матери, которая задумалась около спящих на земле ребенка и мужа. Выразительная простота композиции, гармоничный и суровый колорит. Это работа Корнелиу Бабы, одного из крупнейших художников современности.

Он автор монументальных полотен, посвященных жизни крестьян, портретов, пейзажей, иллюстраций к книгам румынских писателей, лауреат Государственных премий СРР. Здесь, в музее, картины К. Бабы выставлены рядом с произведениями его учителя Николае Тоницы, с которым молодой художник познакомился в стенах Ясской школы изобразительных искусств. Уже в ранних работах К. Баба обнаружил тягу к реалистической живописи, социально заостренным темам. Подлинный расцвет его творчества наступил в годы, когда в стране победил народ. Трудовой героизм простых людей, социалистические преобразования на румынской земле стали главной темой его картин, принесшей художнику признание и успех. Корнелиу Баба — почетный член Академии художеств Советского Союза, академий художеств других стран. Недавно общественность Румынии отметила его 70-летие.

Многие из тех, чьи работы можно увидеть в музее,— ученики прославленного мастера. В его мастерской при Бухарестском институте изобразительных искусств имени Н. Григореску слышны молодые голоса. Богатые традиции румынской реалистической живописи наследует новое поколение художников.

Е. РОМАНЧУК

Корнелиу Баба в своей мастерской. Фото Л. Иванова

ВОПРЕКИ ЛОГИКЕ ИСТОРИИ

Почти полтора года прошло с того исторического дня, когда в Хельсинки был подписан Заключительный акт Общеевропейского совещания по безопасности и сотрудничеству, одним из важных пунктов которого было обязательство «воздерживаться от любого вмешательства, прямого или косвенного, индивидуального или коллективного во внутренние или внешние дела, входящие во внутреннюю компетенцию другого государства-участника, независимо от их взаимоотношений». Наша страна, поставившая свою подпись под этим документом, выступала и выступает за реализацию достигнутых договоренностей, всемерно способствует материализации разрядки. Однако было бы преждевременно думать, что те круги на Западе, которые ратуют тайно или явно за продолжение «холодной войны» всеми средствами, отказались от своих целей.

О широком арсенале этих «средств», о тех, кто сделал «психологическую войну» своим ремеслом, об их пособниках рассказывает книга журналистов-известинцев «Пойманы с поличным», вышедшая недавно в свет.

«Потому именно, что капитализм неизлечим, а реальный социализм все более ярко демонстрирует свои преимущества,— подчеркивают авторы книги,— все средства буржуазной машины «психологической войны» пущены в ход... для проведения антисоветской очернительской кампании». Позорным синонимом подрывной деятельности против народов Советского Союза и других социалистических государств является существование рупоров ЦРУ США — радиостанций «Свобода» и «Свободная Европа». Со страниц книги встает длинная вереница предателей, уголовников и перебежчиков, из которых набран штат обеих радиостанций. Авторы со всей убедительностью подтверждают известный факт: под вывеской «свободы» действуют откровенно шпионские центры.

Не менее живописны в книге и портреты тех, кто пытается занести к нам враждебную идеологию не через эфир, а, так сказать, прямым сообщением. «Враг многолик!» — предупреждает книга. Среди наемников империалистов США и недобитые гитлеровцы, и вновь народившиеся нацисты, и отребье, именующее себя «ультралевыми».

Все большую роль среди этих прислужников современного империализма играет международный сионизм. Сионизм — это антикоммунизм в действии, говорится в главе «Слуги дьявола». За это империалисты США, ФРГ, Англии и некоторых других стран готовы платить звонкой монетой. Бизнес есть бизнес!

Книгу журналистов-известинцев прочтут с большим интересом самые широкие круги читателей.

А. ГРЕЧУХИН

Вадим Кассис, Леонид Колосов, Михаил Михайлов, Борис Пиляцкин. «Пойманы с поличным». М., изд-во «Известия», 1976, 208 стр.

ЧЕРНАЯ РАБОТА — ДЛЯ ЧЕРНЫХ

Десятилетиями британский капитал «импортировал» из колоний дешевую рабочую силу. Нещадная эксплуатация иммигрантов содействовала «процветанию империи». И сегодня их потомки, давно уже ставшие постоянными жителями Британских островов, остаются наиболее угнетенным национальным меньшинством, людьми «второго сорта».

Фото ТАСС

ВЗЯТКИ НЕ ГЛАДКИ

На одном из приемов южнокорейского резидента.

Фото из журнала «Тайм»

Имя южнокорейского дельца Пак Тон Суна было хорошо известно в Вашингтоне. Богатый предприниматель вел светскую жизнь в американской столице. Пышные приемы, которые устраивал этот бизнесмен, становились все более популярны в Вашингтоне. Среди прочих его особняк посещали и конгрессмены.

Щедроты Пака выражались в основном в наличных деньгах. В его кабинете в буквальном смысле слова стояли мешки с деньгами, которые каждый день доставлялись в его дом в бронированном автомобиле. Пак также дарил изделия из нефрита, часы, ковры, восточные шкатулки, серебро, оплачивал путешествия своих клиентов во время отпусков.

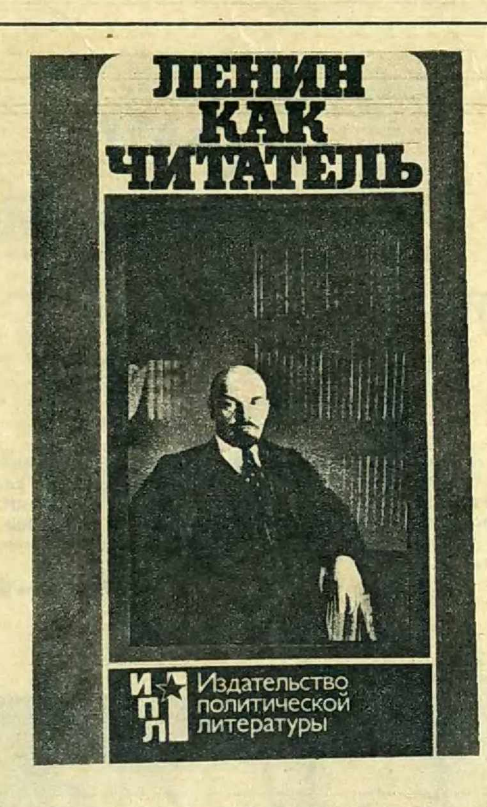
Как-то таможенные чиновники в Анкоридже арестовали Пака за то, что он не указал в таможенной декларации наручные часы. Пак негодовал, требовал освободить его, а потом попытался порвать какие-то документы. Сотрудники таможни помешали ему и обнаружили список, в котором значились фамилии 90 американских законодателей и государственных служащих и те подношения, которые они получали.

Разразившийся в Вашингтоне скандал и последовавшее за ним расследование раскрыли истинное лицо сеульского предпринимателя. Пак Тон Сун оказался резидентом южнокорейского ЦРУ, в задачу которого входил подкуп высокопоставленных лиц Вашингтона, для того чтобы те, в свою очередь, ратовали за продолжение американской военной и экономической помощи южнокорейскому диктатору Пак Чжон Хи. В ходе расследования выявилась широкая шпионская сеть южнокорейской разведки в США. Следствие сосредоточило свое внимание на Сузи Пак Томсон, помощнице спикера палаты представителей Карла Альберта, и на Ким Юнг Хване, главном агенте разведки Южной Кореи в США. В задачу Томсон входило развлекать членов конгресса, знакомить важных южнокорейцев со своими «клиентами» на Капитолии, договариваться о поездках конгрессменов в Южную Корею.

Самое парадоксальное во всей этой истории заключается в том, что подкуп конгрессменов осуществлялся на американские же деньги. Миллионные субсидии, получаемые Сеулом от своих заокеанских покровителей, идут, как известно, на сшивание расползающихся швов марионеточного режима. Часть этих средств возвращается назад в США, но уже в виде подачек отцам-законодателям и для укрепления южнокорейского лобби на Капитолийском холме.

Ну, а что же произошло с Пак Тон Суном? Он успел, как говорят, вовремя «смыться». По сообщению некоторых газет, сейчас он находится в Сеуле под опекой «главного Пака», который принимает все меры, чтобы как-то замять возникший скандал и скрыть от общественности неблаговидную деятельность своих агентов.

В. ДУНАЕВ

БЕСЦЕННЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА

С волнением раскрываешь эту книгу, не потому, что занимающемуся журналистикой, вопросами литературы предстоит встретиться со знакомой областью знаний и увидеть, как писал, работал с книгой Владимир Ильич Ленин, а оттого, что знаешь: перед тобой сейчас пройдет вся жизнь вождя, отданная делу победы революции, освобождения народа от эксплуатации и нищеты.

«Если мы внимательно изучим, как работал Ленин как научный работник, как пропагандист, как агитатор, как редактор, как организатор, мы поймем его и как человека»,— писала Н. К. Крупская.

Ленин-читатель — это Ленин-революционер. Вместе с хронологией ленинского чтения мы видим Ильича сначала подпольщиком, ссыльным революционером, борцом за партию в эмиграции, затем он уже в России — вождь восставшего пролетариата, великий мечтатель и практик, основатель Советского государства, вникающий во все вопросы хозяйственного, экономического, социального и культурного строительства молодой республики.

Когда подытоживаешь, перевернув последнюю страницу, свои впечатления о книге, видишь, что от намерения цитировать Ленина, как ни хотелось бы, приходится отказаться — слишком случайными, произвольно выхваченными будут смотреться в короткой рецензии несколько ленинских оценок, реплик,— нам дорого любое высказывание Ленина, книгу надо читать всю, от начала до конца, тогда только предстанет перед тобой более или менее полно облик вождя революции, работающего над печатным словом. Эту книгу приветствуешь всем сердцем как новое в чем-то слово о Ленине, как хорошее добавление к уже сделанному, отмечая особо популярность ее изложения, краткость, экономичность, четкость формулировок.

Что читал Владимир Ильич, как читал, какие выводы делал, как откликался на прочитанное — эти вопросы освещаются в соответствующих главах: «Всеобъемлющий круг» — о личной библиотеке В. И. Ленина; «Советуясь с Марксом» — об изучении и творческом развитии теории научного коммунизма; «Ленин читает Ленина» — о том, как Ленин редактировал свои тексты, о требовательности и скромности в журналистской работе; «В библиотеках России и других стран» — о работе Ленина в студенческое время и в годы подполья с трудами основоположников научного коммунизма; «С карандашом в руках» — о пометках на полях, оценках Лениным современной литературы.

Анализ ленинских замечаний и маргиналий представляется самым сильным и убедительным в работе Ю. Шарапова. В книге рассыпаны бесценные свидетельства, характеризующие величие ленинского гения, гигантскую работу мысли, цельность натуры, принципиальность оценок и кристальную чистоту нравственных побуждений Ленина-революционера.

Активность и разносторонность читательских интересов Владимира Ильича автор удачно демонстрирует, пользуясь широким историческим фоном, привлекая наиболее убедительные примеры, иллюстрирующие, как внимательно следил Ильич не только за новинками отечественной литературы, но и за работами иностранных авторов, не жалея времени для знакомства с сочинениями ревизионистов от марксизма и ренегатов всех мастей, битых белогвардейских генералов и лидеров оппортунизма (сюда входили и Деникин, разбиравшийся, по выражению Ленина, в классовой борьбе, «как слепой щенок», и такие, как К. Каутский, в чьей работе, состоящей из 64 страниц, Ленин сделал пометки на 50). О том, как внимателен был Владимир Ильич в работе с книгой, как не прощал он ни идейных изъянов, ни фактических ошибок, в работе Ю. Шарапова немало интересных страниц.

Отличительная особенность ее — в живости повествования, в умении вести не монолог, а скорее диалог с читателем. Автор не скупится на экскурсы в прошлое, чтобы рассказать о творческой истории ленинских трудов, возникновении тех или иных замечаний, рецензий, отзывов, рисует бытовые сценки из жизни большевистской эмиграции, характеризующие отношение Ленина к книге, к печатному слову. Звучание книги усиливает и то, что в ней приведены высказывания не только самого В. И. Ленина, но и его соратников и продолжателей, многочисленных корреспондентов и собеседников.

«Порою кажется почти непостижимым, выходящим за рамки человеческих возможностей, что один человек — пусть даже гениальный — мог проделать всю ту гигантскую работу, которую проделал Ленин,— говорил в докладе «Дело Ленина живет и побеждает» товарищ Л. И. Брежнев.— Это был великий, неутомимый труженик, человек поразительной работоспособности. Чтобы стать коммунистом, говорил Ленин, надо усвоить то, что накоплено человеческим знанием. И этому правилу Ленин следовал всю жизнь... И все это богатство человеческого знания Ленин обратил на пользу революционному делу. Десятки книг и брошюр, тысячи статей, докладов и речей, писем и заметок — таково необъятное литературное наследие Ленина, вобравшее в себя его политический, революционный опыт, его мысли и наблюдения».

Эти слова Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева, вынесенные на авантитул книги, исключительно сильно и точно предваряют новое издание, которое займет свое достойное место в советской Ленининане.

Ю. НОВИКОВ

Ю. П. Шарапов. Ленин как читатель. М., Политиздат, 1976, 208 стр.

ЖУРНАЛИСТСКИЙ БИЛЕТ ИЛЬИЧА

Владимир Ильич Ленин считал себя журналистом, литератором. Он—непревзойденный редактор, пламенный публицист-борец, создатель нашей партийной печати. Еще в начале своей революционной деятельности Владимир Ильич говорил: «Я ничего так не желал бы, ни о чем так много не мечтал, как о возможности писать для рабочих».

7 января нынешнего года на имя В. И. Ленина был выписан билет № 1 члена Союза журналистов СССР. Торжественное оформление билета проходило в зале заседаний газеты «Правда», где присутствовали руководители центральных газет, журналов, информационных агентств, телевидения и радио, представители общественности.

Билет № 1 подписал председатель правления Союза журналистов СССР, главный редактор газеты «Правда» В. Г. Афанасьев.

Билет передан на хранение в Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Ю. Белов. Род. 1929. В. И. ЛЕНИН У ПУТИЛОВЦЕВ 28 ОКТЯБРЯ 1917 ГОДА. 1964.

Выставка «Изобразительное искусство Ленинграда».

В. Малевский. Род. 1925. 1905 ГОД. 1967.

Выставка «Изобразительное искусство Ленинграда».

НАШ ДРУГ НАЗЫМ

Фото Л. Старостова

Исполняется 75 лет со дня рождения Назыма Хикмета, основоположника турецкой революционной поэзии, верного и искреннего друга нашей страны.

Советский Союз стал его второй родиной — из тех лет, что поэт прожил на воле, большую часть провел он на советской земле. Мы публикуем впервые переведенные на русский язык стихи Назыма Хикмета и миниатюры из цикла его ранней прозы.

ИЗ ПОЭТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

ВСТАТЬ, ГОСПОДА!

Эй, вы,
чьи ребра вместо горящего сердца
канцелярскую лампу важно несут!
Эй, ты, продающий искусство на вес,
как груши подгнившие продают!
Твои барыши тебя не спасут!
Близок суд,—
хоть засунь башку под прилавок,
хоть упрячь лавчонку свою на седьмое
дно,
наш огонь все равно,
опалив твои жирные волосы,
капля за каплей растопит тебя,
как могильную свечку,
и ничто не сможет помочь...
Прочь убери свою лапу от ворота песни!
Прочь!
Прочь!
Из-под усов напомаженных голос
дурманящий ваш
слышится до сих пор:
«...купалась Лейла и голая вышла на пляж...»
Но сегодня
из огненных труб наших губ
искусства нового рвется марш!
Пришел ваш час!
Хватит дурачить нас!
Вста-а-ать, господа!

1925.

ТОЧКА КИПЕНИЯ

Пехливаны сорвали одежды с могучих тел.
Каждый выказать мощь и гордость свою
хотел.
Голубое утро сияло,
но кровью пахло оно,
и железо было раскалено.
Знали все: час настал.
Содрогнулась земля.
Задрожали, пригнулись к земле тополя,
и чинары от ужаса замерли,
глянуть не смея,
как наружу
их корни ползут,
будто мертвые
змеи.
Пехливаны сорвали одежды с могучих тел.
Краснокрылые птицы
были готовы взлететь
со скал.
Знали все: час настал.
Все грознее прибой
кипел
и о берег пенными гребнями волн
хлестал.
Голубое утро сияло,
но кровью пахло оно,
а тем временем ветер
сперва еле-еле возник,
но стал нарастать, силы стал набирать,
напрягся, напрягся — и через миг,
как в песне поется:
«вздохнула она, вздохнула она»—
земля стала гула полна, гула полна...
Мосты обрушились.
Камни надгробные
повалил ничком громовой удар...
Вот оно, мгновенье — точка кипенья!
Светопреставленье!
Вода превратилась в пар.

1926.

УШЕДШИЙ

Снег и ночь на стекле блестят.
В белую тьму бесконечные рельсы
уводят взгляд —
напоминают: уйти, не вернуться назад...
Станция,
зал ожиданья третьего класса —
там, в уголке,
женщина спит,
босая, в черном платке.
Я брожу и брожу...
Ночь и снег на стекле окна.
Тихая песня внутри слышна.
Это она — ушедшего друга любимая песнь!
Та любимая песнь...
Та любимая...
Та...
Братья, в глаза не смотрите мне —
плакать хочу
в этой ночной тишине...
В белую тьму бесконечные рельсы
уводят взгляд —
напоминают: уйти, не вернуться назад...
Станция,
зал ожиданья третьего класса —
там, в уголке,
женщина спит,
босая, в черном платке...
Ночь и снег на стекле окна.
Песня внутри слышна!...

1932.

Перевел с турецкого
С. СЕВЕРЦЕВ.

МИНИАТЮРЫ

СОЛОВЕЙ И КАНАРЕЙКА

В народе говорят: «Соловью достается из-за его языка».

Ты думал когда-нибудь, почему так говорят?

Соловей не поет в неволе. Вся душа соловья в его песне. Стоит ему попасть в клетку, как он вместе с песней, словно выдох невидимый, отдает и свою душу, и она уже не вернется к нему в клетку...

А возьми канарейку, ведь и ее иные считают таким же искусным певцом, каким слывет соловей. Только никто еще не сказал, что «канарейке достается из-за ее языка». Потому что канарейка умеет петь в неволе, сидя в разукрашенной резной клетке. Самое большое ее мастерство в том, что она развлекает любителя певчих птиц, развешивая на прутьях клетки свои песни, словно жемчужные ожерелья.

Лучше быть соловьем, которому достается из-за его языка, чем канарейкой, которой не достается.

СИЛА РЕБЕНКА

Двухгодовалый ребенок — крохотное существо. Кошки он боится, собачий лай его повергает в слезы, ступенька с вершок для него неодолимое препятствие.

Двухгодовалый ребенок беспомощен перед силой природы, ровно каштановый листок, сорвавшийся с ветки.

Он не может спрятаться от дождя, укрыться от ветра, он не знает, что делать, если жара или если холод.

Однако у этого крохотного человеческого детеныша, который боится кошки, пугается собачьего лая, не способен спрятаться от дождя — перед человеком, самым мощным и самым страшным созданием природы, есть сила, и она безгранична. Потому что он не умеет различать людей по положению их в обществе. Для двухгодовалого ребенка нет разницы между дворником и губернатором, между нищим и миллионером. Если его силой захотят взять на руки — будь то дворник или губернатор, — он обоим не постесняется исцарапать физиономию.

Двухгодовалый ребенок, не насытившись, не замолчит. И никакая логика никаких «форсмажорных» обстоятельств не втолкует ему, когда он проголодался, что он не должен есть.

В этом безграничная сила крохотного ребенка, который слабее кошки, который пугается лая собаки, который не может спрятаться от дождя.

Перевел с турецкого
Л. СТАРОСТОВ.

Дважды Герой Социалистического Труда А. А. Улесов среди делегатов XXV съезда КПСС

Фото А. Гостева

СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ

М. АНДРИАСОВ

Кончался 1929 год. На хуторе Генералове организовалось коллективное хозяйство «Красный путь». Председатель колхоза, местный казак Николай Васильевич Коновалов, расчетливо, не торопясь, делал первые шаги. Прежде чем принять какое-либо решение, он долго раздумывал, стараясь заранее увидеть то полезное, что принесет оно хозяйству.

Характер Коновалова явно не сходился с душевным складом председателя хуторского сельсовета Ивана Михайловича Зуба. Осторожность и осмотрительность Коновалова казались председателю сельсовета недозволенной медлительностью. Он норовил все решать быстро, с ходу, не терять времени на «перекачку мозгов».

— Это ты зря, Иван, горячку порешь,— возражал председатель колхоза.— От горячего и обжечься можно. На то и голова дана, чтобы думать...

— А ты слыхал, что с одним индюком случилось? Он думал-думал и в суп попал,— задиристо отвечал Зуб.

— Это как сказать,— возражал Коновалов.— Не подумавши, раньше индюка можно копыта отбросить...

Словесные перепалки между председателем колхоза и председателем сельсовета на всю жизнь остались в памяти сельсоветского конюха Алеши Улесова. Был он в ту пору еще совсем мальчишкой. И если бы тогда у Алешки спросили, кто из этих двух ему больше нравится, трудно было бы ему ответить на такой вопрос. Бывало, когда они спорили, Алешка с широко открытыми глазами глядел то на одного, то на другого. Одного послушаешь — ну чистое дело, крыть нечем. Все у него правильно. Другой ответит — тоже не объедешь. Обоими восхищался мальчишка. Иван Зуб, как и Алешкин отец Александр Иванович Улесов, в гражданскую против беляков воевал.

В сельсоветской конюшне стояли два коня. Один норовистый, готовый сбросить любого седока, гнедой, неведомо кем прозванный Евриком, и серой, мышастой масти конь Камыш, стоявший всегда с понурой головой.

Алексей Александрович Улесов и теперь до самой малой малости помнит облик председателя сельсовета Зуба. Высокий, плотный, чубатый, шапка русых волос на голове, как копна. Глаза горят. Руки большие, обветренные, кожа на них потрескалась, пальцы желтые, прокуренные. Так и тянет одну самокрутку за другой. На нем военное галифе, кожаная куртка, кожаная фуражка.

— Алешка! — кричит.— Седлай коня, да побыстрее!

Каждый раз, слыша эти хорошо знакомые слова, Алексей Улесов терялся, которого коня седлать — горячего Еврика или спокойного Камыша? Задача была трудная. Сам Зуб, обращаясь к Алешке, не называл ни того, ни другого, будто поручал решить этот вопрос конюху.

Сельсоветский конюх знает: спроси Зуба, какого коня седлать, Еврика или Камыша,— сам Зуб не ответит. Хорошо бы Камыша, оно спокойнее. Но казаки?! Застыдят, засмеют, скажут: струсил председатель, Еврика испугался, позор какой...

— Иван Михайлович,— докладывает Алеша,— коня заседлал, стоит у порога.

Иван Михайлович не отвечает, тяжело ступает по скрипящим половицам своего председательского кабинета. И мысли грузные и шаги такие же. Словно какую задачу решает председатель. И вдруг, оторвавшись от своих раздумий, сердито спрашивает:

— Коня заседлал?

— Заседлал, Иван Михайлович.

— А чего ж молчишь?!

— Да я докладывал, товарищ председатель, а вы задумавшись были,— защищается Алеша.

Возле сельсовета о чем-то своем гутарят казаки. Завидев председателя, они все оборачиваются, отвечают на его приветствие, внимательно приглядываются. Зуб подходит к коню и легко вскидывает свое грузное тело на Еврика. Но делает он это не так, как исконные казаки. Те ногу вставят в стремя, но только на носочек... Зуб же, остерегаясь буйного коня, хочет сразу же поплотнее угнездиться на нем, потому и вдевает ногу в стремя по самый каблук. Еврик с места срывается в намет. Казаки смеются: они уже предвкушают позор иногороднего мужика... Еврик вдруг останавливается, вскидывается на дыбы, свирепо сверкая скошенным глазом... Зуб цепко хватается за гриву. Казаки уже не смеются,— над улицей перекатывается громовой хохот... Но тут Иван Михайлович овладевает собой, и конь, заметно простывший, под гаснущие смешки разочарованной толпы исчезает в глубине улицы...

— Ай да дядька Иван! Ай да председатель!— восхищенно шепчет Алеша, и его радости нет конца.— Добился своего. Ай да дядька Иван!..

Кто знает, может, воля председателя Ивана Зуба, покорившая однажды в морозный декабрьский день необузданного Еврика, стала частицей того мужественного характера, который уже тогда зарождался у маленького конюха из хутора Генералова. Кто знает?!

А может, воля и настойчивость впервые пришли к Алеше Улесову еще раньше, в те далекие дни, когда он семилетним подпаском вместе со старым хуторским пастухом Харитоном Никифоровичем Волкодавовым (как говорили хуторяне: «Дал же господь надежную фамилию пастуху!») гнал хуторское стадо в росную степь, к зеленым выпасам, поближе к Дону...

Вот уж поистине путь подпаска Алексея был тернистым. Задубела кожа на тонких мальчишеских ногах, почернели они, до крови исцарапаны колючками, жгучей крапивой, искусаны злыми комарами, и считай за счастье, если на тебя не набросились еще проклятые оводы...

В жизни Алексея, в его мальчишеские годы, добрую веху оставил и коммунист хутора Генералова, молодой буденновец Саша Кузовлев.

На хуторе начиналась новая жизнь, и Кузовлев верил: упрямый и беспокойный Алешка найдет в ней свое место.

В избе-читальне Алешку принимали в комсомольскую ячейку. Сначала Алексей рассказал про жизнь свою, про отца, про мать. И хотя совсем еще короткая жизнь Улесова-младшего прошла у всех на виду, слушали внимательно, а когда сельсоветский конюх поведал о том, что батька его от тяжких ран на гражданской войне скончался, и сам запнулся на этом месте, Митька Горелов глухо заметил:

— Хватит, Алеха. Мы твою жизнь знаем...

Но на этом дело не кончилось. Теперь, на гребне зрелых лет, Алексей Александрович с улыбкой вспоминает тот далекий незабываемый день.

Кто-то из ребят тогда сказал: «Надо Алеху проверить еще по политическому сознанию. Кумекает он што или телком ходит?» И тут же вопрос:

— Скажи, товарищ Улесов, ежели мировой капитал двинется на Советскую власть, ты пойдешь за нее биться с белой гидрой?

— Пойду!

— А скажи, товарищ Улесов, как ты лично относишься к Керзону?

— К кому?— не понял Улесов.

— К Керзону. Чего, не слыхал, што ль?

Алексей и в самом деле про этого Керзона ничего не слыхал. Что это, думал он,— часть света, город какой или новая машина? На помощь ему пришел секретарь ячейки.

— Этот Керзон живет за границей. Он кровавый враг международного пролетариата.

Улесов повернулся к Горелову.

— Ты бы, Митька, так и говорил, а то заладил: «Керзон, Керзон». А я и думаю, может, какой новый Фордзон. И ежели он — акула империализма, то я и отношусь к нему, как к акуле...

Алексея приняли единогласно.

Потом комсомолец Улесов окончил ФЗУ, пошел работать слесарем на Сталинградский тракторный завод.

Как-то в сборочном цехе появился коренастый, грузный человек, с большими и добрыми кавказскими глазами. Он шел вдоль конвейера, и так дружелюбно всех оглядывал, и рабочие так приветливо улыбались ему, что могло показаться, будто этот энергичный мужчина, с улыбкой, притаившейся в пышных усах, работает где-то здесь, если не в этом цехе, то наверняка в одном из соседних... Но вот Алексей присмотрелся к тому, кто подходил ближе, и вдруг припомнил, что он уже видел этого человека раньше, ну, конечно, на снимках в газете, видел портрет его...

— Товарищ Серго... Нарком наш...— успел подсказать ребятам мастер Иван Прокофьевич Козлуков.

Нарком стоял уже рядом. Крепко пожал руку старого мастера, спросил:

— Ну, как? Толковые ребята? Стараются? Выйдут из них рабочие?

— Выйдут, товарищ Орджоникидзе, непременно выйдут!

— Это хорошо, дорогой. Вы сами знаете, как нам теперь нужны кадры. Пятилетка настойчиво зовет. Никак нельзя терять время...

Зоркие глаза товарища Серго ласково всматриваются в каждого фабзайца.

— Милые ребята! Да, нашей стране очень нужны рабочие. И, знаете, какие?

Мгновение Серго молчит, словно желает услышать ответ на свой вопрос от самих ребят. Однако мальчишки, оробевши, безмолвствуют...

— Я вам скажу, дорогие ребята,— снова говорит народный комиссар тяжелой промышленности,— какие нашей стране нужны рабочие. Мне думается, советский рабочий должен обладать такими качествами: первое — он всегда должен чувствовать себя хозяином на производстве, второе — он должен любить свое дело, третье — он должен быть трудолюбивым и всегда стремиться сделать сегодня лучше, чем вчера, а завтра лучше, чем сегодня. Словом, он должен быть сознательным рабочим. И я верю, что из вас выйдут такие. Верно говорю? Выйдут?

— Выйдут, товарищ Серго,— шепчет Алеша и слышит, что эти же слова на устах у товарищей...

Прошло время. Отгремела война. Минули дни армейской службы, где сержант Улесов к специальности слесаря прибавил еще одну профессию — стал электросварщиком.

В тот год в донской степи начиналось строительство Цимлянского гидроузла. Вернувшись из армии в родной хутор, Улесов пошел на первую большую послевоенную стройку.

...Там, в котловане, двадцать пять лет назад я впервые увиделся и познакомился с Алексеем Улесовым. Имя электросварщика уже было известно не только всей стройке, но и всему тихому Дону, о нем рассказывали местные и центральные газеты. В том году я написал свой первый очерк об Улесове. Меня сразу привлек к себе обаятельный характер этого человека. Жизнелюбие, разносторонность интересов, всегда открытое сердце, редкий дар живого и веселого собеседника, мягкое остроумие, неиссякаемый юмор, сплав мужества и ума — эти качества, столь щедро отпущенные ему природой, венчаются редчайшим трудолюбием.

В один из особенно удачных трудовых дней Цимлу облетела новость:

— Слышали? Улесов выполнил предоктябрьское обещание — за смену дал семь норм.

— Сколько?!

— Семь норм!

На следующий день газеты подтвердили небывалый трудовой рекорд Алексея Александровича.

Мы встретились. Я сказал:

— Не сердитесь на меня, но семь норм за смену, согласитесь,— это очень много. Небось, крепко устали?

В глазах улыбка. Чуть прищуренный взгляд. Эта ставшая профессиональной привычка щуриться пришла к Улесову от естественного желания защищаться от яркого голубого света, хотя, казалось бы, электросварщика надежно прикрывает защитный щиток.

— Конечно, устал. Кто работает, тот обязательно устает. Кто не устает? Наверное, тот, кто ничего не делает. Впрочем, полагаю, и он устает, и думаю, что это самая отвратительная усталость — усталость от безделья.

Завершилось строительство Цимлянского гидроузла, Алексею Александровичу поручили приварить на башнях главного здания электростанции торжественные акротерии — скульптурные украшения. Такими украшениями стали знамена нашей Родины. Они были сделаны из бронзы. Не каждому мастеру доверяются сварочные работы на бронзе. Улесову доверили, и он это сделал превосходно. Это была не только последняя точка у завершенного строительства, это была и его, улесовская, роспись на знаменитом гидроузле, которому он отдал столько сил, столько тревожных раздумий, столько бессонных ночей...

Этому снимку более четверти века. Электросварщик А. А. Улесов на строительстве Цимлянской ГЭС.

...Когда над величественной донской степью восходит новый день и из-за самого дальнего края земли поднимается солнце — первые лучи падают на бронзовые знамена. Их и ныне называют улесовскими акротериями.

За трудовой подвиг на Цимле Улесову было присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и золотой медали «Серп и Молот».

Потом было строительство Куйбышевской ГЭС. Ей тоже отданы годы напряженного труда. На куйбышевской стройке Алексей Александрович познакомился с новым, так называемым ванным способом сварки. Его привезли на Волгу специалисты Московского опытно-сварочного завода. Убедился, что новшество более чем в десять раз сокращает расход металла, вдвое уменьшает расход электроэнергии, электродов, а производительность труда увеличивается в три раза.

Улесов стал не просто первым «ванщиком» на Куйбышевской гидроэлектростанции, он был первым электросварщиком, применившим новый, чрезвычайно эффективный метод в условиях строительства.

Годы упорного труда, годы поисков, годы больших итогов... Кто остановит их?! Нет такой силы. Снова душу его охватило глубокое волнение, когда летом 1958 года он читал Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении электросварщика Улесова второй золотой медалью «Серп и Молот»...

Группа волжских электросварщиков, крановщиков, инженеров, техников изъявила желание помочь арабам в строительстве Асуанской плотины.

Улесов летит в Африку. Четыре года честного труда. Плотина построена. Народ Египта наградил Алексея Улесова орденом третьей степени Арабской Республики Египет...

Пятое десятилетие голубая звезда электросварки счастливо светит Алексею Александровичу.

После Асуана был город Тольятти, потом — Набережные Челны, и вот в свои славные шестьдесят лет он возвращается туда, откуда вышел в большой мир,— на родную донскую землю, к Цимлянскому морю, в тот степной город Волгодонск, недалеко от которого уже четверть века возвышаются над казачьим краем две памятные башни гидроузла.

Улесов вернулся домой.

Так куда же: на «Атоммаш» или на покой? Улесовы не созданы для покоя.

Он идет на «Атоммаш», на свою седьмую великую стройку. И на каждой из семи остался добрый, благородный след: плотины, могучие производственные корпуса, мощные электростанции... Однако самое дорогое, что оставляет мастер на каждой стройке,— это улесовские ученики, живое продолжение его негаснущего огня. Любопытно, что среди тех, кто пошел по улесовской жизненной дороге, и его младшая дочь, Сашенька, студентка политехнического института—она будет заниматься проблемами сварки. Как тут не сказать: в дочери горит голубая отцовская искорка!

...Минуло два с половиной десятилетия. Я снова встретился с Улесовым. Он остался, говоря без натяжки, молодым человеком. Конечно, годы берут свое, но душа его, порывы этого неугомонного человека остались прежними — молодыми, наступательными. Пожалуй, с наибольшей полнотой о них можно сказать словами Николая Островского — только вперед, только на линию огня!

Тяготение к молодежи, неутомимое желание растить умелую смену — эти качества беспокойного наставника привели к простому выводу: а не предложить ли Алексею Александровичу преподавание в учебном комбинате? Пусть обучает сварочному делу совсем еще юных, только вступающих на рабочую дорогу.

Предложили. Он отказался:

— Без живой стройки, которую вместе с другими ставишь на ноги, мне нельзя. Дышать трудно...

Мы едем с ним вдоль Цимлянского моря, построенного четверть века назад и его руками. За рулем собственной «Волги» он похож на профессора. Но вот дрогнули, сгустились у глаз знакомые мне морщинки.

— Они заметили,— говорит он доверительно,— что в выходные дни стал я чаще ездить на рыбалку, на охоту выхожу, и решили: пусть старик Улесов потихонечку преподает да побольше отдыхает. Наивные люди!

Он пошел работать в арматурный цех. В бригаде Алексея Александровича двадцать девять электросварщиков. Поговорите с ними. В каждом из них вы почувствуете улесовское достоинство, особое сознание принадлежности вашего собеседника к бригаде Улесова.

Ближайший его помощник — заместитель по бригаде электросварщик Николай Кретов. Сосредоточенный, вдумчивый молодой человек. Он уже опытный мастер. Николай — коммунист, студент-заочник второго курса Новочеркасского политехнического института.

Электросварщик Анатолий Шавловский — немногословный, скромный парень. Наметан-

ный глаз Улесова быстро определил: у Анатолия аккуратный почерк сварки, высокая культура огневого шва. Не зря он уже обучал своей профессии ребят из ГПТУ. Так же старательно, тонко работают Иван Марусок, Олег Мальков, Володя Евдокимов...

— Прочитал об «Атоммаше» в газетах, узнал, что это за стройка,— говорит Евдокимов,— и немедленно сюда. Хоть и лет мне немного, однако успел повидать знающих электросварщиков. Четвертый год работаю самостоятельно. Считаю, мне повезло, если я работаю рядом с Алексеем Александровичем. До него понятия не имел о ванной сварке. Он научил меня и многих других своих учеников этой стыковке. Алексей Александрович не только заботливый учитель, он нам как отец вообще в жизни.

...Пишу об Улесове и думаю: трудно рассказать о человеке, которого знаешь много лет. Трудно, потому что хочется поведать обо всем, но разве это возможно?

Недавно возле арматурного цеха появился агрегат для точечной сварки. Такая машина была очень нужна электросварщикам. Тем не менее время шло, а полученный агрегат стоял без движения, пылился в углу.

В те дни в волгодонской городской газете «Ленинец» под рубрикой «Письма рабочих» появилась статья с интригующим названием: «Как мыши машину съели». В ней речь шла о законсервированном агрегате. Автор писал: «Поскольку варить нам приходится сейчас в основном арматурную сетку, а этим агрегатом можно сварить сетку шириной без малого два с половиной метра, и производительность его минимум в пять раз выше, чем производительность сварщика самого высокого класса, мы, понятно, обрадовались.

Это была у нас первая такая машина. Еще когда она стояла упакованная, Люба Казакова, наша сварщица, ходила вокруг и просила мастера да бригадира: «Меня поставьте, пожалуйста...»

Компрессор, необходимый для работы агрегата точечной сварки, в цехе уже был. Он обслуживал станок контактно-стыковой сварки и вполне бы справился с дополнительной нагрузкой, надо было только подсоединить новую машину. На это да на то, чтобы подвести воду для машины, должно было уйти, по нашим подсчетам, не больше десяти дней.

Но службу главного механика и главного энергетика судьба нового агрегата волновала, по-видимому, куда меньше, чем всех нас. Дело затянулось. А когда, наконец, к сентябрю подготовительный этап был пройден, оказалось, что машина работать не может: за три месяца мыши съели изоляцию на электрокатушках!»

Статья заканчивалась так: «Машину подключить несложно. Проблема в другом: как «подключить» к заботе об использовании новой техники наши инженерные службы?

И еще один вопрос: для какой цели тратятся на эту самую технику такие огромные государственные деньги? Неужто для того, чтобы мышей кормить?!»

Под статьей подпись: «А. Улесов»...

...Коммунисты «Атоммаша» избрали Алексея Александровича делегатом XXV съезда КПСС. Вернувшись после съезда в родной коллектив, Улесов рассказывал:

— Впечатление огромное. Взволнован до глубины души. Сколько новых, светлых трудовых желаний рождает в моей душе содержательный, творческий доклад Леонида Ильича Брежнева! Чувствуешь новый прилив сил, както особенно ярко и остро понимаешь: до чего же велика та сила, имя которой — партия, и как велика честь быть рядовым ленинской партии!

...Дважды Герой Социалистического Труда. Две Золотые Звезды.

Мне говорили, что недавно в хутор Генералов приезжали скульптор и архитектор. Они внимательно вглядывались в хуторские улицы, в окрестную степь...

Они вглядывались в Улесова, в его жизнь — прошлую, настоящую, будущую. Они думали о нем. И рядом с живым, обаятельным образом Алексея Александровича выходил на хуторскую площадь, шел к своим благодарным потомкам отлитый в бронзу такой же простой и примечательный человек.

КРЕ

Юрий ПРОКУШЕВ

Память Человечества и Человека. Память народная. Эта проблема всегда встает перед истинным художником, ибо он всегда мыслитель, всегда философ, мучительно и настойчиво ищущий ответа на вопрос: в чем смысл жизни, смысл земного бытия Человека? Художники всех времен и народов каждый по-своему пытались ответить на этот извечный «вопрос вопросов», который волновал на протяжении многих веков и волнует ныне самые светлые и беспокойные умы.

И каждый из них — будь то поэт или прозаик, музыкант или живописец — обращает свой взор в прошлое, в седую глубь веков, в даль памяти народной, в то, что составляет историю человечества; и вместе с тем каждый из них не менее пристально вглядывается в себя, в глубины своей души, в окружающий его современный мир — в свое время; вглядывается неотступно и зорко в то, что сохранила с детских лет на всю жизнь даль его памяти.

Ко мне приходит облако.
С рожденья
Оно мое,
Оно идет с полей
Не по теченью ветра,
По веленью
Души моей
И памяти моей.
Пока я жив —
Не сбить его с маршрута,
Пока я жив —
Оно всегда со мной.

Так, как бы распахивая окно в огромный, еще неведомый мир, начинает Егор Исаев свою новую изумительную поэму «Даль памяти».

Поэма Егора Исаева — это поэма раздумий, поэма размышлений — неустанных, напряженных, глубоких, прекрасных в своей первозданной образности. В ней речь идет о самом главном, о самом насущном в жизни — **судьбе человеческой, судьбе народной.** Вся она выстроена автором как единый диалог, который неспешно, как бы обдумывая вслух каждое слово, взвешивая, выверяя в душе каждую фразу, ведет поэт и с самим собой, и со своими земляками, и со своим «видавшим виды» поколением, и с революционной эпохой, и с прошлым, с историей своей Родины, и, конечно же, с будущим Страны Советов.

В «Дали памяти» нет легковесной риторики. А есть другое — ясная, четкая, убежденная гражданская позиция поэта, есть личность автора в каждой строке поэмы.

Во всей захватывающе дерзкой красоте эта личность проявляет себя наиболее полно и органично: и мировоззренчески, и художественно, и общечеловечески — в «ствольной», ключевой главе поэмы «Кремень-слеза».

Кажется, что не поэт, а сам народ поведал нам здесь неспешно и мудро о своей судьбе: об извечной мечте мужика о земле; о борьбе с далеких разинских и пугачевских времен Руси крестьянской с царизмом; о горе и вдовьих слезах «и в ту войну, как турка воевали, и в ту войну, японскую, и в ту, германскую...»; и о том, как в дни Великого Октябрьского штурма «на белых шли. За землю шли, за волю, за нашу власть у верного руля...»; и еще о том радостном и светлом времени, когда хозяином земли стал тот, кто обрабатывал ее веками, кто веками поливал ее своим потом и кровью.

Земля везде:
И сверху, на земле,
И под землей,
И над землей — она же,
Как день и ночь,
Как берег и волна,
Как хлеб и соль...
Не чья-нибудь, а наша
Земля-сторонка
И земля-страна
Просторная
И в сторону Сибири
И в сторону кронштадтских
маяков
Родная вся!

А было как?
А было:
Народ великий испокон веков
Пахал ее, обстраивал,
Не гостем
Жил на земле
И тут и там, вдали.
А у народа, окромя погоста,—
Подумать больно! —
Не было земли.

Не столь уж часто даже классиками с такой обнаженной сердечной болью, с такой гражданской совестливостью и скорбью и вместе с тем с такой силой художественного обобщения говорилось с горькой судьбе и бесправной доле народа, у которого и в самом

МЕНЬ-
СЛЕЗА

О НОВОЙ ПОЭМЕ ЕГОРА ИСАЕВА

деле на протяжении веков, «окромя погоста... не было земли».

Властно и неодолимо живая история народа врывается в поэму Егора Исаева. «История в лицах, вот что такое для меня «Кремень-слеза»,— неоднократно подчеркивал и сам автор.

С каждой новой строкой поэмы образ «Кремень-слезы» все рельефнее и полнее художественно раскрывается в своей сокровенной сути — это русский народ, сама Россия. Выразительно точно, убедительно и прекрасно сказано об этом в поэме: «Слеза не просто, а всея Руси слеза-кремень!»

Народ, многоликий, красочный, живой портрет которого встает перед нами во весь свой богатырский рост в «Дали памяти»,— это прямой, открытый, гордый, мужественный, если надо, терпеливый и выносливый, если надо, взрывчато революционный и беспощадный к врагам Родины, всегда человечный и справедливый русский народ. Он — «напористый народ» России — главный герой Егора Исаева, он его радость, его боль, его тревога и печаль, его надежда и вера.

В «Кремень-слезе» с особой силой заявляют о себе такие определяющие черты личности, таланта Егора Исаева — мыслителя и художника, как высочайшая трагедийность поэтического видения мира и вместе с тем животворный исторический оптимизм поэта, братский интернациональный пафос и патриотический дух его стиха; постоянная, неразрывная сопряженность в его поэзии прошлого, истории Родины с днями нашей жизни, с настоящим. Все это позволяет Егору Исаеву рассказать предельно кратко и выразительно, внешне, как может показаться, очень свободно и просто о таких исторических событиях, таких прозрениях ума человеческого, которым счастливо предстояло в будущем круто изменить жизнь всей нашей планеты. Так, завершая всенародный разговор-раздумье о том, чья она, слеза-кремень, и, главное, куда ее, слезу, определить, кому ее передать, один из героев поэмы — учитель, когда-то в молодые годы «труженик ликбеза», «рисковый, но толковый», известный во всей округе, которую он «исходил пешком» и который «словом корешковым... вникал во все. И славен был тем самым...», держит перед односельчанами такую речь:

А кстати, вот что, граждане...
А кстати,
Не из нее ли искру высекал
Великий тот?
Уж он-то знал, пожалуй,
По ходу мысли действуя своей,
Какие превеликие пожары
Больнее боли,
Соли солоней
Скипелись в ней
До крайности предельной,
До согнетенной точки центровой.
А не из той ли искры,
Столь нетленной,
На красный день эпохи мировой
Зажглась она,
Звезда большого света,
В виду окольных
И далеких стран,
Звезда добра
И мудрого совета,
Звезда родства
Рабочих и крестьян?

Голос учителя — это голос народа и, конечно же, проницательно-мудрый голос самого автора.

И еще: извечен и неисчерпаем в литературе образ дороги — дороги жизни, «дороги вечной памяти», ибо извечна и неисчерпаема сама жизнь народа, его героическая история. Своей новой поэмой, и в первую очередь главой «Кремень-слеза», Егор Исаев еще раз весьма определенно и значительно напоминает эту незыблемую истину.

Именно в главе «Кремень-слеза» воображение захватывает и покоряет наши сердца торжественный, героически-скорбный, как реквием, образ «дороги вечной памяти» — дороги крепостнической неволи и «барства дикого»; дороги крестьянских бунтарей и народных заступников; дороги великого революционного похода трудовой России в будущее, светлые горизонты которого столь зримо открываются нам в поэме Егора Исаева. Его «дорога вечной памяти» невольно заставляет вспомнить знаменитую дорогу радищевского «Путешествия из Петербурга в Москву». На той, радищевской дороге уже были отчетливо видны кровавые следы «Кремень-слезы».

А «столбовая дорога» России, на которой когда-то сошлись «случайно» и «заспорили» семь «временно обязанных» некрасовских мужиков и которые пошли по этой необъятно бескрайней дороге жизни народной «пытать» всех и каждого, повстречавшегося им на пути, об одном: «Кому живется весело, вольготно на Руси?»

Иные времена рождали и иной образ дороги. В эпоху Октябрьской революции «по военной дороге шел в борьбе и тревоге боевой восемнадцатый год»; именно в то героическое время вышел на «главную улицу», главную дорогу жизни, «новый хозяин» — трудовая Россия. Потом на российских дорогах, большаках и проселках, мечтал о своем счастье — «стране Муравии» — сын крестьянской Руси Никита Моргунок. И он обрел его — обрел на дорогах новой, колхозной России.

В незабываемом 1941 году на мирную, озаренную социалистической новью Советскую страну вероломно обрушились черные силы фашизма. И на дорогах войны, измотав и обескровив врага в боях под Москвой, Ленинградом, Сталинградом, начала героическая Советская Армия свой бессмертный поход освобождения Европы от немецко-фашистских варваров.

Кончилась война, и мирная, трудовая жизнь зашагала по дорогам Страны Советов, и устремились люди по этим дорогам, старым и новым. «За далью — даль» — и на целину, и в бескрайние звездные просторы космоса, и на новостройки Сибири, и в глубины земли, к ее рудным богатствам.

А что дорога?
Ясно, что дорога.
Она —
Что руль, что вожжи под рукой.
Везет свое — навалят не навалят,—
Торопит неотложную версту.
Она и ночью до́ свету дневалит
У памяти великой на посту.

Образ вечной дороги жизни заглавный, определяющий: и историческая масштабность, и эмоциональный настрой, и разговорно-повествовательная интонация всей поэмы, в главе «Кремень-слеза» развертываются наиболее полно, во всей своей социально-философской и исторической глубине.

«Кремень-слеза», как и вся поэма «Даль памяти», прочно опирается на традиции народной жизни, равно как и на традиции отечественной истории, традиции классической и современной литературы. Она кровно связана с этими традициями всей своей могучей корневой поэтической системой. Вместе с тем ее вечнозеленая стихотворная крона новаторски самобытна, обращена к современности, нацелена на будущее.

Написанная ярким, живым народным языком, передающим неповторимо дух революционной эпохи, поэма «Даль памяти», и прежде всего ее глава «Кремень-слеза», встает ныне по праву на равных в тот выверенный временем, историей достойный ряд классических революционных произведений, таких, как «Двенадцать» Блока, «Главная Улица» Бедного, «Песнь о великом походе» и «Анна Снегина» Есенина, «Владимир Ильич Ленин» и «Хорошо!» Маяковского. В преддверии 60-летия Великого Октября это особенно знаменательно и дорого.

* * *

Труд — один из главных героев Егора Исаева. Образное решение темы труда в «Дали памяти» на редкость удачно и в высшей степени народно. У Исаева оно почти всегда имеет свою глубинную мысль, свою сверхзадачу. Не отрываясь от земли, не идеализируя, не приукрашивая труд, а, наоборот, сурово и правдиво показывая всю реальность, всю напряженность труда и пахаря и шахтера, а точнее, всего народа, Егор Исаев раскрывает едва уловимую в нашей повседневной суетности и потому почти неразличимую, на первый взгляд неброскую романтику «будничного» трудового подвига народа. Он показывает всю нравственную красоту этого подвига, особенно выразительно передавая ту одухотворенность и радость жизни, которые человек обретает лишь в освобожденном труде.

Труд как вдохновение, как высочайшее мастерство, как первейшая нравственная потребность и как наиглавнейшая святая обязанность человека перед общест-

вом — таков пафос всей поэмы. Она звучит как гимн труду народному — труду и рабочего и крестьянина. Поэт точно чувствует глубинную диалектическую связь, ставшую ныне особенно очевидной, между крестьянством и рабочим классом; он высвечивает те нравственные, моральные, социальные корни, которыми город, рабочий класс и сегодня связан со своим не столь уж отдаленным прошлым — землей крестьянской. И видит читатель, как «река труда» свое извечное, историческое начало берет в борозде сеятеля; понимает, что деды и прадеды тех рабочих, которые ныне живут в наших социалистических городах, трудятся на заводах и фабриках, из века в век пахали землю, пасли скот, добывали хлеб.

Егор Исаев всей душой предан русскому крестьянству, его прошлой боли, его светлой радости наших дней, но он никогда не пытается противопоставить деревню городу. Его поэма наполнена глубоким историческим прозрением. Она ярко выражает ту объективную истину, что город с деревней и деревня с городом с первых дней Октябрьской революции едины в своих главных жизненно-общественных интересах. Союз рабочих и крестьян — это не только символ, это и сама суть Советской власти. И поэт находит весомые слова, чтобы сказать достойно и об этом нерасторжимом союзе и о том, кто в этом союзе ведущий, заглавный:

Здесь хлеб растят
И знают, между прочим,
Не вся земля,
Что сверху, на земле,
А под землей —
Под этой вот, равнинной,
И под нагорной той,
Под верховой.
Рабочий класс —
Он ствольный класс,
Вершинный,
А раз вершинный, значит,
корневой,
Глубинный класс!

«Река труда», озаренная серпом и молотом, в сознании поэта едина и нерасторжима, ибо она едина и нерасторжима в самой действительности; она-то и составляет и определяет сердцевину народной жизни; она движущая сила революционного обновления мира. Каждой строкой поэмы Егор Исаев словно хочет сказать нам: посмотрите, как велика, как всесильна главная река жизни — река труда, рукотворная река человечества. Ее неодолимая сила и мощь связаны прежде всего с могучей революционной энергией рабочего класса — того класса, который и определяет ее течение.

Со страниц «Дали памяти» встает живой, полнокровный образ человека труда. Раскрывается он автором во всей красоте содеянного им на благо людей, во всей нравственной окрыленности его отзывчивой души, его сыновней преданности Земле, светлой веры его в будущее Родины.

Поэма густо «заселена» зримыми, скульптурными характерами. Все эти, в своей сути народные, характеры даны в развитии, в действии, в становлении и борьбе — каждый со своей неповторимой судьбой. Из них слагается образ народа, а точнее, живой портрет народа. Взглянем на исаевских мужиков на покосе во главе со Степаном Рудяком, напористо вышагивающих в густой, упругой зелени душистых луговых трав, каждый из которых, подобно Назару Шаброву, «косил, как пел». «Покос,— подчеркивает Егор Исаев,— мои мужики на покосе—это портрет народа. А Рудяк у меня образ главный. Я его дальше разворачиваю крупно». Под стать «дюжим», «ладным» косцам и озорные, веселые бабы, что после покоса «сено ворошили», с их шумными «толками-перетолками» о последних деревенских новостях, а среди них первая красавица на селе Тонька — свет Антонина Семеновна,— которую «никакой не приструнить струной» и которая несла себя на людях гордо, «как царица». Это она, Тонька, защищая юную любовь, «восстала вдруг! Да так тряхнула челкой, да так пошла в туманах-облаках, что просияли бабы, как девчонки, и парни колыхнулись в мужиках».

Даже когда у того или иного персонажа поэмы нет собственного имени, он все равно глубоко индивидуален и неповторим — этот безымянный герой. Таков, к примеру, дед в главе «Кремень-слеза»:

А был он хитрый, дед.
Уклонных лет,
А нет ему износу.
Такой он, значит,
Непоклонный был.

Всего два слова: «уклонных» (лет) и «непоклонный» (был) а все главное о личности, о характере героя, сказано!

Умение Егора Исаева в каждом своем герое «схватить» определяющие черты и выразить их словом с предельной лаконичностью и образной точностью просто изумительно. Порой кажется, что оно не имеет предела, что поэт все может. Сколько в «Дали памяти» таких безымянных героев, как «непоклонный» дед, которые западают в душу и сердце.

Главное, к чему стремится Егор Исаев,— это создание натурального характера в стихах. На этом пути у него верный и надежный ориентир — «Василий Теркин» Твардовского. «Еще ни в одной литературе мира во время войны и после нее,— отмечает Егор Исаев,— не появилось такого мощного и вместе с тем такого натурального характера в стихах. Вот она, глубина и вязкость пережитого — тут как бы сам народ сказался в слове Твардовского».

Сказанное о Твардовском, его герое Василии Теркине мы с полным правом можем отнести и к самому Егору Исаеву, его поэме «Даль памяти». Ближе всего к решению этой многотрудной задачи поэт подходит в образах, которые ему, несомненно, особенно близки и дороги и в которых «на всю глубину и вязкость пережитого» запечатлен «сам народ». Это прежде всего Степан Рудяк, Назар Шабров, Семен Угорин. Образы эти даны с перспективой, «на вырост» в нашей душе, нашем сознании. «Сквозные», они проходят через всю поэму, «движут» ее сюжет. В них заложены главнейшие идеи «Дали памяти», ее глубинный смысл. Именно с судьбой этих героев связано многоплановое течение важнейших, зачастую драматических событий поэмы, а также судьба других ее героев.

* * *

Художественно точен, по-народному мудр, философски проницателен взгляд автора «Дали памяти» на самые острые, самые насущные проблемы современности: социальные, нравственные, эстетические, исторические, политические. Они исследуются Егором Исаевым художественно всесторонне и обстоятельно, и все находят в поэме глубоко личное преломление и освещение.

В связи с этим обратим внимание еще на одну, по существу, глобальную в наш век проблему. Сегодня особенно те, кто рождается и живет в городах, начинают все больше утрачивать глубинные связи с живой природой, которая на протяжении столетий участвовала в формировании личности человека, стихийно, но неодолимо воздействуя на его нравственные устремления, гуманный настрой души.

За какие-нибудь сто лет в мире произошла такая урбанизация жизни, что ныне необходимы усилия всего человечества, чтобы остановить зловещий процесс разрыва вечных связей человека с природой.

Егор Исаев в «Дали памяти» все время «заставляет» героев поэмы разумно обращаться с живой природой, находиться с ней в постоянном взаимном контакте, столь необходимом и ей, природе, и, конечно же, людям...

Дивно красивы заливные воронежские луга до покоса. Наступает покос, и... конец этой красоте.

Не жаль косы,
Росы не жаль, конечно,
Да только вот
Цветов немного жаль.
Жаль красоты!

Кажется, самое простое и «разумное» — не трогать красоту. А что делать крестьянину зимой без сена?

Эх, кабы так.
А то ведь как озлится
Сама зима.
Уже чем ни улещай,
Возьмет свое,
Оставит, что побриться.
А потому-поэтому:
Прощ-щай!
Прощ-щай, цветы,
Прощ-щай, густые травы,
Лож-жись под ливень
С правого плеча!

Трогай природу, как бы говорит нам поэт: это неизбежно. Но трогай с умом эту земную благодать, которая «испокон веков» облагораживала людские души, сохраняла нравственное здоровье народа, поила и кормила род человеческий.

Для героев «Дали памяти» характерно чувство «хозяина земли»; у них нет конфликта с природой, они берегут красоту земли, к родной природе они относятся с сыновней любовью и благодарностью. Сама же природа в «Дали памяти» — один из активных действующих героев поэмы. Образ русской природы у Егора Исаева подвижный, красочно-многоликий. «Земля-сторонка и земля-страна» видятся в его поэме до самой дальней дали. Знаменитая «Магнит-гора» и воронежская «степь от края и до края», известное всей стране дальневосточное озеро Хасан и мало кому ведомое, глухое таежное займище, «звезды на кукане» и «пчелиный перегуд», «кукушкин лен» и «долгий крик осенних журавлей» — все это создает в «Дали памяти» просторную, живую картину земли русской.

С чудесно-сказочным миром родной природы встречаются «с рожденья» герои Егора Исаева; встречаются с густыми росными травами, которые деревенского мальца, «как ливни, под рубаху били из-под земли и сверху, где-то там, над головой, под самым синим небом цветки свои качали, не дыша...»; встречаются с солнцем, которое щедро согревает на земле все живое, «раздавая по лучу росинке каждой, чтоб она сверкала, соринке каждой, чтоб взялась травой...».

— Не забывайте! Природа — часть каждого из нас, и каждый из нас — часть самой природы; об этом говорит вся поэма, каждая ее строка, обращенная к народному уму и сердцу.

* * *

Сегодня «Даль памяти» еще в пути. Автором дописываются ее заключительные главы: о совести человеческой, о ночи, которая несет людям покой, счастье, новую жизнь; о письмах, которые так никогда и не дойдут до их адресатов. Первые «завязи»—первые строфы этих конечных глав — нам довелось слышать от автора.

Но главное уже сделано. То, что опубликовано Егором Исаевым в журнале «Москва» № 1 за 1976 год,— это почти **три тысячи стихотворных строк**. И каких! О «Дали памяти» ныне спорят и дискутируют первые ее читатели. Правда, пока молчит критика. А жаль, уже сегодня ей, критике, есть о чем поразмышлять, обращая взор свой к поэме Егора Исаева, которой автор отдал почти десять лет напряженного труда. Отдал не зря.

«Дали памяти» уготовлено счастливое будущее: долгие-долгие годы быть нужной народу, как хлеб насущный...

Далеко не каждому поэту открывается до самых своих сокровенных трудовых и ратных, исторических и нравственных глубин даль народной памяти. Она открывается щедро, во всем своем неповторимом величии, душе, уму, а главное — сердцу лишь тех истинно национальных, народных художников слова, для которых сокровенный смысл их бытия, их деяний — в неустанном и бескорыстном служении своему народу; для которых и горе и радость народа — это их неисчерпаемое горе, их желанная радость; для которых неколебима глубочайшая вера в силы народные, в будущее своей Родины; для которых, наконец, творчество, поэзия, как сама жизнь, — многотрудный, тернистый путь познания истины.

Геннадий ЩУРОВ

ГЛУБИНЫ

●

Под землей,
повторяя округлость Земли
и крутые изломы
Донецкого кряжа,
по глубинным орбитам
пласты пролегли —
непокорного,
звездного пламени тяжесть.

Звездолеты,
сжигая земное тепло,
с наших рук
на Луну и Венеру взлетели.
Космонавтам глубин
в подземелье светло,—
мы ведем корабли
к самой солнечной цели.

Не волнуйтесь за нас.
Путь наш звездный лежит
сквозь века,
сквозь огонь
по застывшим глубинам.
Но в расчетные сроки
с подземных орбит
мы привычно
на землю вернемся
к любимым.

Черен космос,
и недра планеты черны.
Тополя,
в небеса наведенные, дремлют.
Мы шагаем легко
средь густой тишины —
горняки,
под землей
обогнувшие Землю.

ЯВИЛОСЬ МНЕ

1

Явилось мне — откуда вдруг
оно?—
ивняк над речкой,
все заплетено
цветущей
душной
повителью белой.
И стрекоза...
И одуванчик спелый —
со мною вровень
крупный
хрупкий шар.
К земле привязан стеблем,
не дыша
он замер в ожидании полета
по зною разомлелому,
по лету...
Вот камышинка.
В ней живет оса:
в колечках желтых —
черные глаза.
— Пора вставать!—
соломинкой стучу.—
Лети за взятком!
И она:
— Лечу-у-у!
Под сводами, в тени
тропа мокра.
Зеленые —
земля,
вода,
кора.
Прогнулись ветви
в глубину реки.
Почти прозрачные,
стоят мальки.
Ивняк.
Вьюнки...
К ресницам липнет пух...
И у меня
захватывает дух:
так явно все —
откуда вдруг оно?—
самой-то речки
нет давным-давно...

2

Уходит что-то —
значит, жизнь течет:
всему свои
и время и черед.
Вьюнки.
Тропа.
Сверчок скрипит в стогу...
Река ушла,
а я на берегу.
Снял шляпу.
Ветер.
Тени облаков...
Я перед речкой стал бы
на колени!
В цветном подоле
клеверных лугов
она вспоила столько
поколений —
отцвел их день под солнцем
и потух,
как одуванчиков
щемящий пух...
Был старше рек
лишь камень берегов —
теперь года
весомее веков.
Фантастику
теснит сегодня
явь.
Читал когда-то
с замираньем я
о том, что к звездам корабли
уйдут,
а на Земле
столетия минут...

Прошли!
Минули!
Только навсегда
мне память сберегла:
вьюнки...
вода...
Так цедит свет
погасшая звезда.
Молчу.
Кому сказать на берегу,
что в тридцать лет
я пережил
реку!

Донецк.

СТУЧАТ МОЛОТКИ

Борис БАЗУНОВ

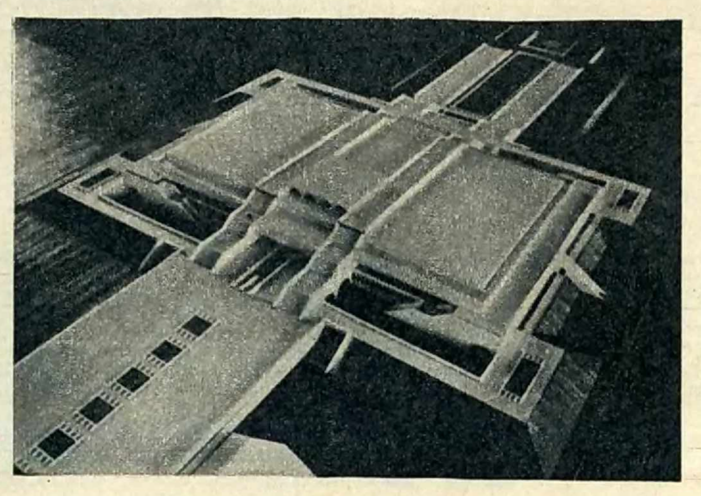
В адресном столе Таллина еще не значатся олимпийские координаты. Пока все справки вы можете получить только в одном месте: в особняке, расположенном на Нарвском шоссе, где обосновался Оргкомитет олимпийской парусной регаты. Там-то вам и укажут основной ориентир — памятник броненосцу «Русалка». От этого памятника начинается скоростная магистраль, которая свяжет город с олимпийским комплексом, и уже сегодня можно увидеть ее песчано-гравийное ложе. Оно легло на осушенное морское дно. Дорожники треста «Балтморгидрострой» под началом старшего прораба Александра Цевальникова ушли от начальной точки больше чем на километр.

Там, где новая трасса обрывается в море, видны вдали краны над белыми кирпичными корпусами. Это растут этажи олимпийской деревни. Стройка молода. Молоды и строители. Вот типичная биография. Когда нынешним летом началось строительство олимпийской деревни, Оллари Тааль с успехом защитил свою дипломную работу о тонкостенных железобетонных пространственных конструкциях. После окончания Таллинского политехнического института он и попросился на олимпийскую стройку.

С высоты стройки олимпийской деревни виден еще один спортивный объект. Идет отсыпка грунта в морское ложе у южной части Таллинской бухты. Это строится современная гавань. В защищенной молом акватории найдут укрытие крейсерские яхты, судейские катера, плавучие трибуны для зрителей. А на левом берегу реки Пирита создается стоянка для судов олимпийских классов. Строители уже возвели трехметровой высоты стенку, у которой ошвартуются «Звездники» и «Финны», «Летучие голландцы» и «Солинги», «Торнадо» и «470».

В путешествии по олимпийским адресам никак нельзя миновать строительную площадку, на которой воздвигается бетонный «стакан» таллинской телебашни, хотя сейчас она больше похожа на недостроенную трубу ТЭЦ. Ее антенны, поднятые на высоту трехсот четырнадцати метров, будут передавать в цветном изображении все подробности олимпийской регаты.

Башня хорошо идет в рост. Это утверждают не только специалисты, но и жители города, по выходным дням приезжающие в Пириту на «смотрины» таллинской великанши. Кладут бетон в тело башни рабочие треста «Спецжелезобетонстрой» — того самого, который принимал участие в строительстве знаменитой Останкинской «иглы» в Москве. Свой престиж строители не умаляют и тут. Уже пройдена стометровая отметка. Надо нарастить еще несколько десятков метров, и тогда в дело вступят монтажники антенного устройства.

Таким будет Дом спорта.
Фото Д. Прану

Все олимпийские стройки на виду у таллинцев, и они не бесстрастные свидетели происходящих перемен. В этом можно было убедиться, побывав на сессии городского Совета депутатов трудящихся в конце прошедшего года. По окончании сессии я попросил поделиться со мной своими мыслями председателя Таллинского горисполкома И. Каллиона. Вот что он сказал:

— Нам надо хорошо подготовить древний Таллин к приему спортсменов, гостей, журналистов. Нам предстоит в срок и наилучшим образом построить объекты олимпийского назначения, но мы знаем, как важен каждый аспект подготовки, которая является конкретным вкладом таллинцев в намеченную XXV съездом партии программу экономического, социального и культурного строительства. Поэтому на сессии депутаты с горячей заинтересованностью говорили о таких задачах, как реконструкция старого города, как приумножение традиций таллинского сервиса. Понимая важность порученного нам дела, депутаты обратились ко всем жителям Таллина с призывом вносить свой личный вклад в подготовку к Олимпиаде.

...Заканчивая репортаж о предолимпийских ритмах Таллина, я вспомнил старое предание. Рассказывают, будто озеро Юлемисте образовалось из слез вдовы богатыря Калева. Под Новый год владыка озера покидает свои владения и спрашивает жителей: «Построен ли уже город или еще продолжают стучать молотки?» Нет, не построен еще древний Таллин. Стучат еще молотки. Работа предстоит большая. Олимпийских дел хватит всем. Так утверждают таллинцы, пригласившие к себе в гости олимпийскую регату.

РАДУГА ЗЕМЛИ

В этом номере впервые публикуются цветные фотографии, полученные с борта советского космического корабля «Союз-22». Съемка осуществлялась с помощью многозональной космической фотоаппаратуры, совместно разработанной специалистами Советского Союза и Германской Демократической Республики. В Советском Союзе работу возглавлял Институт космических исследований АН СССР. Наш корреспондент Ванда БЕЛЕЦКАЯ встретилась с сотрудниками этого института заведующим Отделом исследований Земли из космоса Яном Львовичем ЗИМАНОМ и заведующим лабораторией фотографических методов Юрием Михайловичем ЧЕСНОКОВЫМ. Оба они непосредственно готовили эксперимент «Радуга».

«ОГОНЕК». «Жизни на Земле не существует» — такой вывод сделал американский ученый Карл Саган, попытавшийся стать на время... марсианином, взглянуть на нашу планету из космоса. Это остроумное предостережение от скоропалительных выводов в науке мне вспомнилось, когда в нашем институте я увидела прекрасные фотографии, отснятые с борта «Союза-22». Ведь одним из «доказательств» «гипотезы» Сагана тоже служили снимки со спутников, которые показывали нашу планету без каких-либо следов жизни на ней. Шутка шуткой, однако она говорит и о тех огромных трудностях, которые приходится преодолевать исследователям, готовившим космические эксперименты, подобные «Радуге».

Ян Львович, расскажите, пожалуйста, о «космических» методах изучения Земли. Окупают ли их достоинства трудности, связанные с их осуществлением?

Я. Л. ЗИМАН. Новое направление — исследование Земли из космоса — возникло сравнительно недавно. Однако дистанционные методы изучения далеких объектов известны ученым давно, они были монополией астрономов, для которых нет иного выхода, как изучать интересующие их миры на расстоянии.

Из земных наук дистанционными методами первыми воспользовались геофизики и геологи. Для них перспектива взглянуть на нашу планету из космоса оказалась наиболее заманчивой. Они увидели макрообразования, геологические разломы и сложные геологические процессы, проследить за которыми, находясь на поверхности Земли, просто невозможно. Из космоса ученые узнали много принципиально нового о нашей планете. Это понятно: «большое видится на расстоянье...». Разве есть иной способ, скажем, за сутки осмотреть земной шар, чем со спутника? А четыре спутника вместе смогут постоянно видеть всю Землю и мгновенно сообщать полученную информацию.

Началось стремительное развитие новых методов. И теперь почти в каждом сообщении ТАСС о запуске очередного спутника или космического корабля говорится об исследовании с его борта земной атмосферы и поверхности нашей планеты, Мирового океана и земных недр. Сведениями, добытыми в космосе, пользуются люди самых земных профессий: от геологов и географов до специалистов сельского хозяйства и рыбоводов.

Существует много способов изучения Земли из космоса и каждый как бы проясняет новые черты портрета нашей планеты.

Первые космонавты рассказывали о тех удивительных картинах, что открылись их взгляду с орбиты. Эта информация, хотя и в значительной степени субъективная, обогатила наше представление о Земле. Затем на стол ученых легли космические фотографии, совершившие буквально переворот во многих науках. Но об этом лучше расскажет Юрий Михайлович.

Ю. М. ЧЕСНОКОВ. Добавлю, что телевизионное изображение еще больше расширило полученную информацию, а микроволновая или радиотепловая съемка позволила получить точные данные о земной поверхности в любое время суток и при любой погоде.

Фотографирование Земли из космоса, как, пожалуй, никакой другой метод, позволяет получить наибольшее количество информации, сконцентрированной в одном кадре; ни один приемник, кроме лазера, не обладает такой разрешающей способностью.

В принципе техника позволяет теперь добиться того, что на космических снимках можно увидеть те же детали, что и на аэроснимках. Однако для наших исследований такая аппаратура не нужна. Трудности ее создания достаточно велики, а, кроме того, избыток информации, огромное количество деталей затруднят обработку.

Изучение из космоса природных ресурсов Земли требует создания специализированной фотоаппаратуры. Так родилась многозональная фотография. Своим рождением она обязана именно космическим исследованиям. Во время такого фотографирования идет одновременная съемка территории Земли в различных зонах спектра. Получается серия фотографий: на каждой из них видны только те элементы, которые отражают электромагнитные волны определенной длины. И если эти фото сопоставить, получается, что скрытое на одном снимке отчетливо видно на другом.

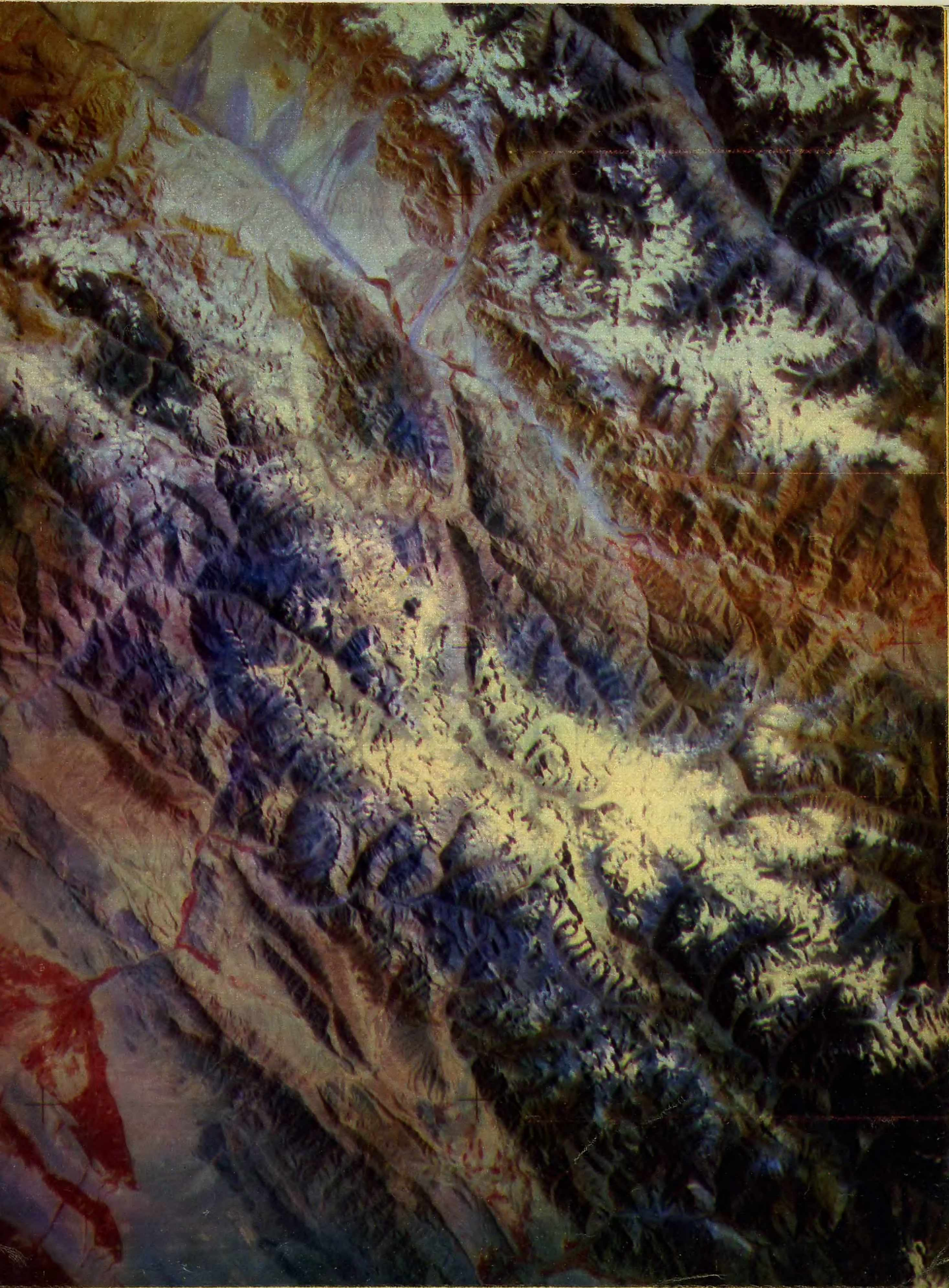
«ОГОНЕК». Отснятый участок как бы попадает под «перекрестный допрос» ученых?

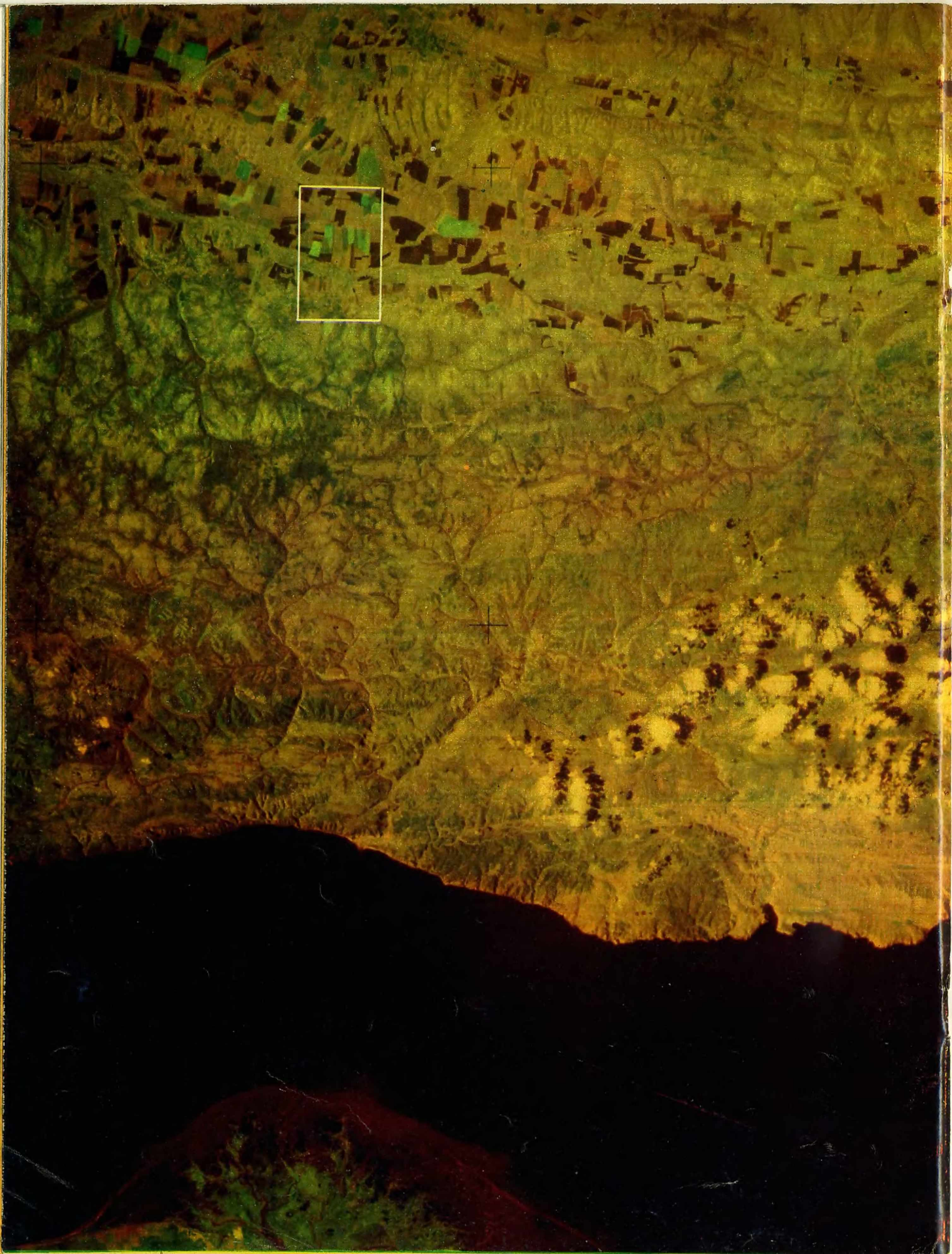
Ю. М. ЧЕСНОКОВ. Вот именно. Так удается не только увидеть геологические разломы и другие макрообразования, но и различить горные породы разного минералогического состава, получить сведения о влажности и составе почв, солености воды и ее загрязненности, степени волнения моря, наличия в нем фитопланктона, увидеть поля, засеянные различными культурами. А съемка в инфракрасной зоне спектра раскрывает многие геологические процессы, связанные с вулканической деятельностью, может даже предупредить об извержении вулкана. Не правда ли, примеры ясно говорят не только о необходимости дальнейшего изучения нашей планеты космическими методами, но и об их экономической рентабельности?

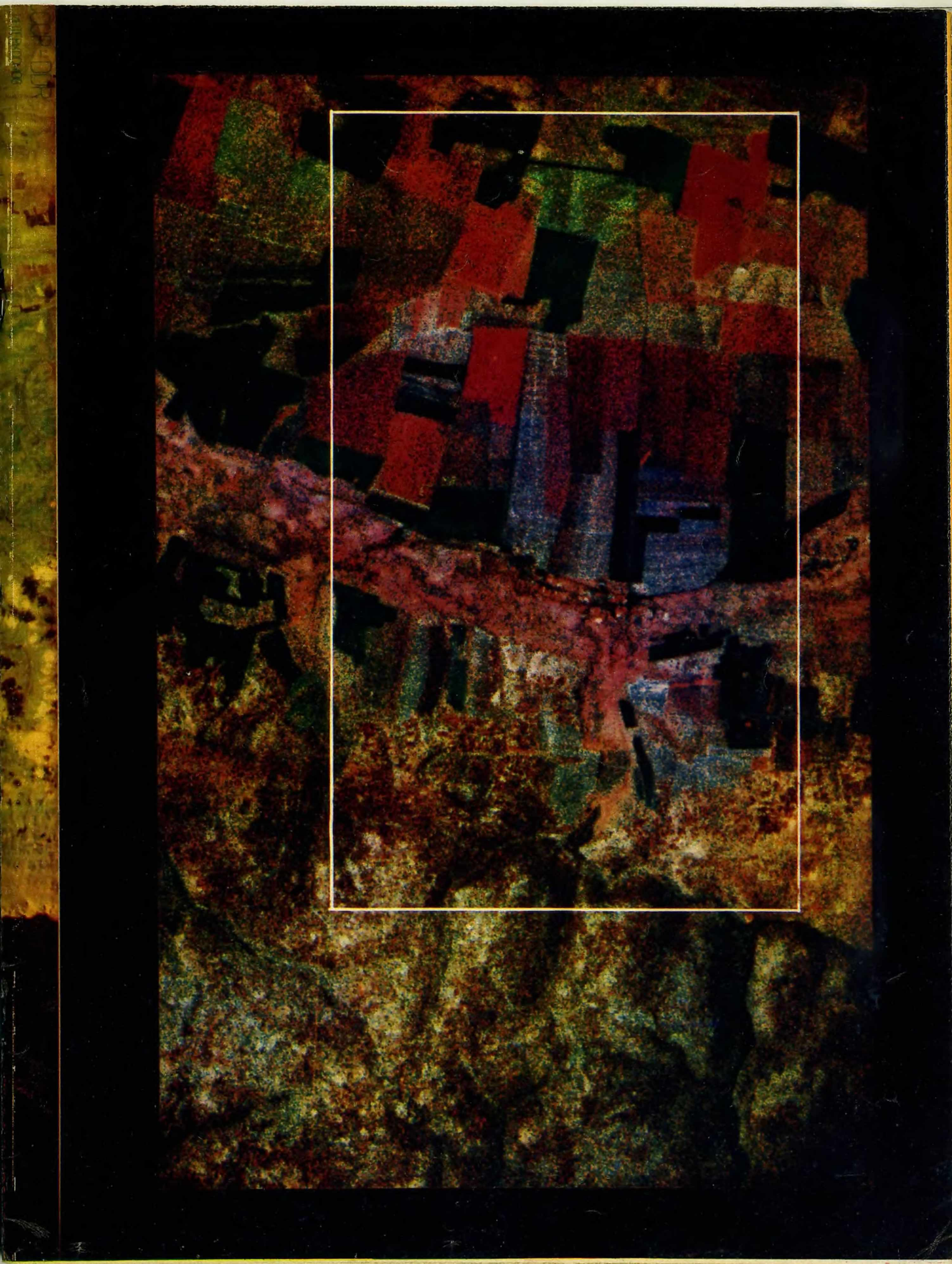
Чрезвычайно важны космические методы изучения Земли для международного кооперирования. Ведь геологические образования и другие природные явления не считаются с государственными границами. И особенно такое совместное изучение Земли важно

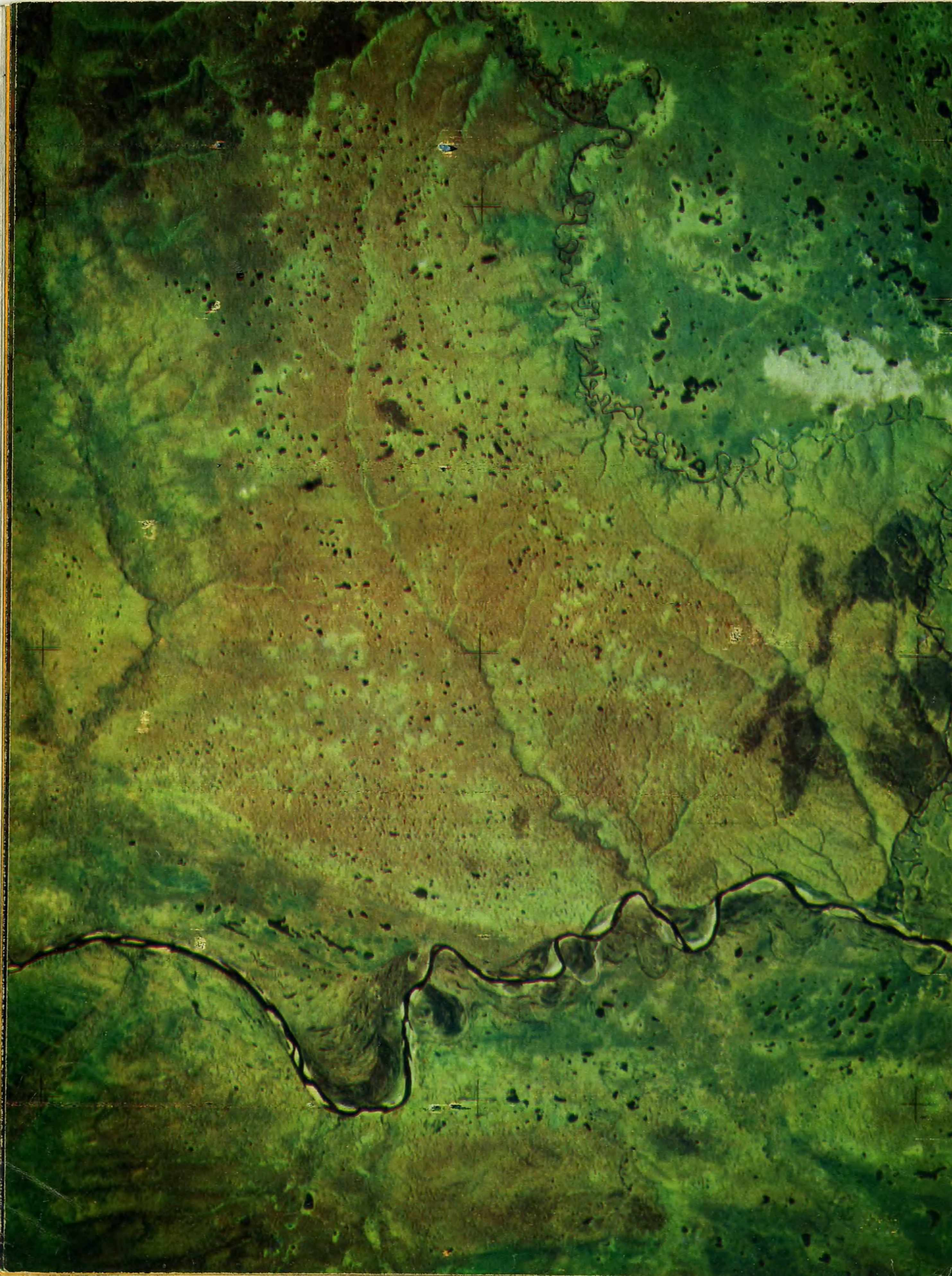
Памиро-Алай.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Озеро Байкал с прилегающими районами. Справа: увеличенный в 30 раз фрагмент.

для стран социализма, имеющих одинаковую систему хозяйства и планирования.

Возможно, в будущем появятся специализированные съемочные приборы и спутники разного назначения: одни — для геологии, другие — для сельского хозяйства. Сейчас же стоит задача оптимизировать требования к техническим средствам исследования Земли из космоса, чтобы создать единый комплекс, который в максимальной степени удовлетворит всех потребителей информации о земных ресурсах и окружающей среде.

«ОГОНЕК». Институт космических исследований уже много лет ведет разработку методики фотографирования Земли из космоса. Ян Львович, какие из наиболее крупных космических экспериментов вы могли бы назвать в этой связи?

Я. Л. ЗИМАН. Прежде всего — героическую работу на первой орбитальной станции «Салют» космонавтов Георгия Добровольского, Владислава Волкова и Виктора Пацаева. Они трагически погибли, но материалы их работы, доставленные на Землю, оказались неоценимыми для ученых, позволили решить многие задачи. В частности, была разработана методика получения из космоса снимков Земли очень большой детальности.

Многозональная съемка в целях исследования земных ресурсов проводилась с борта кораблей «Союз-12» и «Союз-13». Например, экипаж Василия Лазарева и Олега Макарова привез около 100 фотографий, сделанных в различных зонах спектра. По ним были уточнены рельеф и характер подводной растительности северо-восточного побережья Каспийского моря, составлена карта засоленности почв в районе Мангышлака и Бузачи, выявлены структуры, перспективные для поиска нефти и газа.

Эксперимент «Радуга», с одной стороны,— продолжение изучения природных ресурсов Земли из космоса, с другой — новая ступень в разработке космической многозональной аппаратуры.

«ОГОНЕК». А как непосредственно готовился эксперимент «Радуга»? Научные и технические трудности осуществления его были, наверное, очень велики... Юрий Михайлович, сколько прошло времени от начала разработок до их завершения?

Ю. М. ЧЕСНОКОВ. Около трех лет. Срок очень небольшой, если учесть, что фотоаппаратура на «Союзе-22» — сложнейший научный комплекс, насыщенный электроникой. Столь блестящее осуществление «Радуги» — яркий успех сотрудничества ученых Советского Союза и Германской Демократической Республики. Кроме нашего Института космических исследований и народного предприятия «Карл Цейс Йена», в работе приняли участие Географический факультет МГУ и Институт электроники АН ГДР.

Ян Львович уже говорил, что Василий Лазарев и Олег Макаров привезли на Землю большое число фотографий, сделанных в разных зонах спектра. Они были подвергнуты тщательному разбору и анализу. Вывод был ясен: чтобы еще более успешно вести космические съемки, столь важные для народного хозяйства, нужна более совершенная фотокамера.

Требования, предъявляемые к такой своеобразной фотокамере, были весьма жесткие. Ей предстояло работать на орбите Земли и переносить все «неприятности» космического полета. Поэтому она должна была быть компактной, надежной, потреблять немного энергии, четко работать в автоматическом режиме.

Стоял вопрос и о том, в скольких зонах спектра должен снимать новый прибор. В лабораториях нашего института проанализировали спектральные характеристики двух тысяч наземных образований. И только после этой огромной работы было решено делать фотокамеру шестизональной. Такие фотоснимки, полученные с орбиты Земли, должны были содержать информацию, наиболее полезную различным областям народного хозяйства.

После этих исследований на предприятии ГДР «Карл Цейс Йена» приступили к изготовлению деталей многозональной космической фотокамеры. Ее назвали МКФ-6. Это сложнейшее электромеханическое устройство. И надо отдать должное специалистам ГДР: «Карл Цейс Йена» еще раз продемонстрировала всему миру высокую техническую культуру предприятия и отличную подготовку своих кадров. Качество фотоаппаратуры отвечает самым высоким мировым стандартам.

Но прежде чем МКФ-6 заняла место на советском космическом корабле «Союз-22», прошел длинный цикл ее проверки в лабораториях Советского Союза и ГДР. Для этих наземных испытаний тоже пришлось создавать специальную аппаратуру, чуть ли не более сложную, чем сама камера.

За три месяца до старта «Союза-22» новый космический фотоаппарат выдержал летный экзамен в летающей лаборатории института — «АН-30». Снимали поверхность специального полигона, определенного учеными ГДР для самолетных, космических и наземных исследований. Всем не терпелось тогда начать испытания и узнать их результаты. Научный руководитель от Советского Союза доктор технических наук Юлий Константинович Ходарев и главный конструктор установки Карл Мюллер приехали на аэродром в Эрфурт чуть свет, в шесть утра, а первые отснятые пленки проявляли прямо на борту самолета.

Я. Л. ЗИМАН. Я хочу добавить, что сотрудники нашего института дружно трудились вместе с коллегами из ГДР. Как раз в лаборатории кандидата технических наук Юрия Михайловича Чеснокова отрабатывалась методика космического фотографирования, проводились эксперименты на «Союзе-12», «Союзе-13» и «Союзе-22». Вместе со специалистами «Карл Цейс Йена» активно участвовал в разработке многозональной аппаратуры Борис Дунаев: он является ведущим специалистом от Советского Союза по этой аппаратуре. Владимир Кацов занимался вопросами выбора спектральных характеристик. Я назвал лишь троих, но это была напряженная творческая работа большого дружного коллектива нашего Отдела исследований Земли из космоса.

Ю. М. ЧЕСНОКОВ. Помню, как мы все с нетерпением ждали дня запуска советского космического корабля «Союз-22» и момента, когда Валерий Быковский и Владимир Аксенов сообщили в Центр управления полетом: «Камера включена, к ее работе замечаний нет». А потом мы получили и сами снимки отдельных участков территории Советского Союза и Германской Демократической Республики.

«ОГОНЕК». Сообщалось, что для эксперимента «Радуга» специалисты, кроме МКФ-6, создали еще один прибор — многозональный синтезирующий проектор. Каково его назначение?

Ю. М. ЧЕСНОКОВ. Многозональный синтезирующий проектор нужен для анализа космических снимков. Он позволяет соединять их в самых различных комбинациях. Фотография как бы наливается красками и, меняя тона, передает ученым самые разнообразные сведения об отснятом участке Земли. Это исследовательский прибор. Он нужен специалистам самых различных профилей. Таких приборов изготовлено пока всего два — один у нас в Институте космических исследований, другой — на «Карл Цейс Йене», где сейчас тоже анализируются снимки, сделанные во время космического эксперимента «Радуга». Кстати, на этом приборе получены цветные изображения, которые по качеству много лучше, чем обычная цветная фотография.

«ОГОНЕК». Пять из этих цветных многозональных снимков ваш институт любезно предоставил «Огоньку» для первой публикации. Прокомментируйте, пожалуйста, эти снимки поподробнее.

Если можно, начните с фотографии, напечатанной на обложке журнала. По-моему, до получения этого снимка только космонавты видели с орбиты фантастическую красоту черного космоса и яркую радугу горизонта Земли?

Я. Л. ЗИМАН. *Вы, пожалуй, правы. Такое цветное многозональное изображение Луны и Земли печатается впервые. На этой фотографии вы видите реальные цвета. Картина действительно очень красивая. Съемка Луны и ночного горизонта проводилась для исследований атмосферы Земли и характеристик фотокамеры. В этом эксперименте Луну снимали через открытый космос (как на фотографии) и сквозь земную атмосферу.*

Но в основном во время эксперимента «Радуга» обращалось внимание не на космические объекты, а на Землю.

Реально горы выглядят с орбиты несколько в иных цветах. На снимке цвет взят условный, для того, чтобы лучше выявить нужные ученым детали. Снимок охватывает южное обрамление Ферганской долины, значительную часть Алайского хребта, часть Заалайского хребта и небольшой участок Памира. Район отличается сложным строением. На снимке видны многочисленные геологические разломы. В разные цвета окрашены отдельные типы геологических образований. Такие фотографии содержат ценнейшие сведения для геологов, помогают при поиске полезных ископаемых.

Видно, что на вершинах гор лежит снег. Ползут сероватые нити ледников. В самом углу фотографии — знаменитый ледник Федченко. Этот снимок — подарок для географов. Он использовался учеными Лаборатории аэрокосмических методов географического факультета МГУ для составления каталога ледников. На самой подробной карте этого участка их числится двадцать семь, а благодаря этому снимку найдено сто шесть.

Много ценного содержит эта фотография и для специалистов сельского хозяйства. В красный цвет окрашены участки растительности. По ним можно выявить участки выпаса скота на горных пастбищах.

«ОГОНЕК». А что можно увидеть на фотографии района Байкала?

Ю. М. ЧЕСНОКОВ. *Это средняя часть Байкальской зоны. Снимок тоже выполнен в условных цветах. Он важен для решения проблемы сохранения чистоты Байкала. Там, где в озеро впадает река Селенга, вода помутнела. Что она несет в озеро? Может быть, ил и песок, а может, продукты искусственного загрязнения? Специалисты еще будут в этом разбираться...*

Обратите внимание на верхнюю часть снимка. Рядом напечатан увеличенный фрагмент. Специалисты географического факультета МГУ считают, что на снимке по цветам можно различить взошедшие озимые, посевы зерновых культур, овса, картофеля, сахарной свеклы. Они окрашены в разные цвета. Причем можно увидеть участки всего в один гектар! Не надо объяснять, как много говорят космические фотографии специалистам сельского хозяйства.

Теперь посмотрите внимательно на снимок верхнего течения реки Вилюй. Отчетливо видны светлая нитка песчаного пляжа, болота, мелкие озерца, леса. Разная гамма лесной растительности. Сине-зелеными выглядят массивы елей, ярко-зелеными — сосен, зеленовато-коричневыми — лиственниц. Темными пятнами выделяются гари.

Это очень интересный и чрезвычайно важный для многих отраслей народного хозяйства снимок. В эксперименте «Радуга» впервые получены многозональные снимки территорий вечной мерзлоты. На фото четко видны мерзлотные процессы.

Район, снятый на фотографии, труднопроходимый: на нем много болот, озер. Он очень интересен для геологов.

Эта фотография может помочь в разработке улучшения судоходства по Вилюю. Ведь эта река — единственный путь заброски сюда тяжелого бурового оборудования для добычи нефти и газа.

Я. Л. ЗИМАН. Мы остановились всего на нескольких фотографиях, но уже видно, как много ценного содержат они для народного хозяйства страны. Как видите, космические исследования приносят заметную реальную пользу.

Эксперимент «Радуга» еще раз показал, что исследование Земли из космоса представляет собой сложную научно-техническую проблему, для решения которой требуется объединение специалистов самых разных областей науки и техники. Только совместными координированными усилиями можно выполнить задачу, поставленную XXV съездом партии: расширить исследования по применению космических средств для изучения природных ресурсов Земли.

Район реки Вилюй.

Олег ШМЕЛЕВ,

Владимир ВОСТОКОВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

Знакомый почерк

Глава II

О ТОМ, ЧЕГО ПОКА НЕ ЗНАЕТ КРАСНОВ

Выражаясь архаичным языком, по неисповедимой прихоти судьбы нам придется еще раз обратиться к разговору о периодической печати, и опять в прямой связи с Евгением Петровичем Храмовым. Но не будем забегать вперед. Расскажем по порядку о том, чего не знает пока капитан Краснов и что станет ему известно в самом конце этой истории, которая начиналась столь незатейливо, а потом столь замутилась, что капитан Краснов едва не почел себя профессионально несостоятельным.

Контрразведчикам необходимо было определить мотивы, двигавшие Храмовым. А для этого мало располагать сведениями о его сегодняшнем бытии. Им нужно было познать жизнь Храмова в развитии. Никаких внешних причин питать злобу к советскому строю у Евгения Петровича не имелось. У него интересная работа. На свой заработок он свободно мог бы содержать семью из четырех человек, а между тем живет холостяком.

Не в одиночестве же дело. В том, что он одинок, никакая власть не может быть виновата.

Значит, причины лежат где-то глубже, может быть, в далеком прошлом?

Это действительно так, но Краснов этого не знает, и потому ему придется пережить много тяжких часов и дней. Нам же нет нужды играть на неизвестности. Нам полезнее высветить фигуру Евгения Петровича с самого начала, чтобы впоследствии не отвлекаться от других событий и лиц, которые потребуют к себе пристального внимания.

Биография Евгения Петровича удобна в том отношении, что из нее легко вычленить узловые моменты. Однако начать надобно издалека.

Отец его, Петр Арсентьевич Храмов, окончив в 1908 году Петербургский императорский лесной институт, поехал лесничим в глухую Вятскую губернию. Его оставили инспектором при губернском управлении, но он был человеком не чиновного склада. Взяв в жены красивую девушку из местных мещан, которая не побоялась жить среди непроходимой чащобы, в настоящем медвежьем углу, научил ее ездить верхом на лошади и стрелять из ружья, а через год, летом 1909-го, добившись назначения лесничим, купил молодого жеребчика-двухлетку и трехлетнюю кобылку и отправился в лесничество; всадников сопровождал обоз из трех телег с приданым жены.

Продолжение. См. «Огонек» № 2.

В 1910 году у Храмовых родился сын Петр, в 1916-м — Евгений. За неимением акушера повивальной бабкой был сам отец, которому помогала жена объездчика Андрея.

За отсутствием гимназии и школы Петр Арсентьевич учил сынов тоже сам. И, надо отметить, оказался недурным учителем.

Однако, как ни благотворно домашнее воспитание и учение, детям необходимо было дать правильное образование. Храмов предвидел горючие слезы жены, но, готовый к ним, действовал твердой рукою. В 1926 году он написал в Москву Лёне Кирееву, своему единственному товарищу по институту, который был членом РСДРП, большевиком, три раза ссылался при царском режиме в Сибирь и трижды бежал. Киреев занимал в столице высокий пост. Он никогда не звал друга к иной жизни, к иной должности — был убежден, что его из лесу труднее вытащить, чем медведя из берлоги. Но в каждом письме спрашивал, не нужна ли какая-нибудь помощь, и это был не риторический вопрос.

К нему-то и обратился Петр Арсентьевич за советом, как и где лучше устроить детей на учебу, потому что сам он совершенно не знаком с нынешними порядками, ибо стал уже настоящим отшельником, хотя газеты и коекакие журналы выписывал.

Киреев скоро ответил длинным письмом. Не хитря и не обинуясь, он обосновал разумность своего предложения, так как ему хорошо была известна щепетильность друга и его решительное неприятие какой-либо зависимости. Он, Киреев, зарабатывает много. Жена тоже работает. Детей у них нет. Занимают они прекрасную квартиру в центре, на Трубной площади. С ними живет теща, добрая старая женщина. Она готовит отменно.

Вывод: самое разумное — привезти Петра и Евгения в Москву, поселить в квартире на Трубной. Школа совсем недалеко. Детям будет с тещей не хуже, чем цыплятам под крылом у наседки.

Храмов колебался недолго: видел, что предложение сделано от чистого сердца. И настал день, когда кордон был залит слезами. Плакали жены рабочих, женщины, с недавних пор тоже зачисленные в штат лесничества. Своей жене Петр Арсентьевич плакать на проводах запретил, приказав отплакаться ночью.

Объездчик Андрей заложил парой коляску на мягких рессорах, приторочил сзади чемоданы и узлы отъезжающих. Расцеловались со всеми чадами и домочадцами, уселись и, утирая мокрые от чужих слез щеки, тронули.

Это был первый узловой момент в биографии Евгения Петровича Храмова. Женя не плакал. С чего плакать десятилетнему мальчику, отправляющемуся в огромный, никогда не виданный мир?

Приезд в Москву был подгадан так, что через два дня начиналась запись в школу. Дядя Леня поселил гостей в просторной комнате с двумя широкими окнами, где стояли два дивана и непонятная кровать, называвшаяся, как узнали братья позже, раскладушкой. После ужина братьев отправили спать, а взрослые остались за столом.

Утром за завтраком составлялся план действий. Дядя Леня собирался самолично пойти к директору школы, но отец сказал: «Пожалуйста, никаких протекций, сам поведу». И дядя Леня не настаивал на своем.

А когда за дядей Леней пришла из наркомата машина и он предложил всем прокатиться, отец опять отказался: «Пожалуйста, Леня, не надо. Мы так погуляем».

Следующий день был посвящен повторению пройденного — отец экзаменовал их по всем дисциплинам и со всей возможной строгостью. Отвечали оба без запинки, но он все-таки беспокоился, потому что не знал, каковы нынче требования учителей.

На всех экзаменах — они продолжались три дня — отцу, по его настоянию, разрешили присутствовать, и, кажется, именно это и спасло их. Отвечая на вопросы учителей, и Евгений и Петр глядели только на него и отвечали спокойно. Результат ошеломил учительскую: при всей придирчивости экзаменаторов выяснилось, что десятилетнего можно принять в пятый класс, а старшего в выпускной. Отец уезжал гордый и довольный. А у них начались школьные будни.

Это был второй узловой момент в жизни Евгения.

Учились братья отлично. В 1927 году Петр окончил школу и поступил в Московский институт инженеров железнодорожного транспорта на мостостроительный факультет. Может, выбор был сделан безотчетно, под впечатлением незабываемой поездки из Вятки в Москву, но Петр рвался именно в этот институт.

В 1932 году, когда Евгений окончил школу, Петр получил диплом инженера и женился на девушке-москвичке, лицом очень похожей на их мать, а значит, и на Евгения, который был копией матери.

В 1932 году в жизни Евгения произошло два важных события, и оба можно считать узловыми. Первое: он поступил в институт стали. Почему именно туда? Хотелось чего-то основательного. Второе: он получил паспорт. Хотя свидетельств о рождении у братьев не было, ибо на кордоне, где они родились, не было ни церкви, ни попа, ни администрации, а везти новорожденных в Вятку для крещения и регистрации Петр Арсентьевич Храмов посчитал необязательным, однако дядя Леня все уладил.

Случись по-иному, обидно было бы братьям. Ведь тогда, в тридцать втором, граждане Советского Союза впервые получали паспорта. Это был праздник для всего народа.

О втором событии надо сказать особо еще и потому, что его оттенил маленький штришок, который с течением времени превратился в характерную черту личности Евгения Храмова. А дело такое. Получали паспорта братья вместе. Когда им их вручили, каждый долго рассматривал свою книжечку, а потом они книжечками поменялись и опять долго рассматривали. И вдруг Петр дернул брата за рукав, кивнул на дверь, они вышли на улицу. «Эй, гражданин Храмов, вы разве в Ленинграде родились?» — спросил Петр, тыча пальцем в графу «Место рождения». Евгений не смутился. «Писать — на кордоне? Ха!» Старший пристально глядел на младшего, будто за пять лет корпения над конспектами и чертежами видел его в первый раз. «Балда, зачем же здесь врать?» «Красивей так!» В тот миг Петр понял, что его влияние на братишку, влияние, в прочности которого он никогда не сомневался, кончилось. И у него возникло смутное ощущение, что они — две ветви одного дерева — растут в разные стороны. «Ладно, с этого дня зову тебя ленинградцем».

Вскоре Петр получил назначение и уехал в Днепропетровск. Братья расставались надолго.

Евгений учился играючи, все ему давалось с лету. А немецким занимался так серьезно и успешно, что стал отрадой преподавателя. Но вот товарищей у него почему-то не было. Правда, это с лихвой восполнялось вниманием к нему со стороны девушек. Сам он мужской дружбы, которую принято называть суровой, как мужскую слезу — скупой, не искал. Ему довольно было и женской.

В студенческие времена в нем сильно развилось чувство превосходства над другими. Во-первых, лучший на курсе, во-вторых, самый молодой в институте. И не хочешь, а возгордишься.

То, что с ним происходило, нередко случается с юношами: он перерос не только сверстников, но и людей гораздо старше себя. Однако, как известно, природа не терпит никакого неравновесия, и во второй половине жизни обычно происходит нечто обратное.

Нарушив обычай, существовавший при старшем брате, он перестал ездить на каникулы к отцу с матерью. Отец присылал ему деньги — этого вполне достаточно. А стипендию, кстати, он стал откладывать, для чего завел сберегательную книжку. Каникулы проводил на подмосковных дачах у знакомых девушек. Родителям писал мало, а брату совсем не писал.

Диплом был в 1937 году защищен блестяще. Евгения Храмова оставили в аспирантуре. Профессор, ставший его руководителем, был специалистом по твердым сортам стали. Но тут явились и неприятности — так, во всяком случае, квалифицировал это Евгений. В ноябре схоронили тещу дяди Лени, и это породило массу неудобств: некому стало готовить, стирать и ходить по магазинам, а также убирать квартиру.

В декабре на Север перевели дядю Леню и его жену. Квартиранту Храмову, хоть он и был уже прописан, предложили съехать. Ему дали комнатку в общежитии на Соколе, во Всехсвятском. Ходить надо через комнату, в которой живут четверо студентов младших курсов, и стенка тонкая, всякое реготанье слышно, как через бумагу, и уборная общая, и умывальник. После удобств квартиры Киреева он страдал.

И вдруг — это было в апреле — его вызвала секретарша ректора. Она сказала, что звонил товарищ Киреев, просил зайти к нему домой.

По состоянию здоровья дядя Леня с женой вынужден был вернуться в Москву. Все опять пришло в норму. Пока Евгений переходил с курса на курс и сдавал кандидатский минимум, Петр успел поработать на строительстве Днепрогэса и перекинуть несколько мостов через реки — мостов, которые он же сам скоро будет взрывать. В 1939 году, когда младший собирался защищать кандидатскую диссертацию, старший базировался в Киеве. Они по-прежнему не переписывались. Обоим было некогда.

И тут стряслось несчастье — да, это называлось уже не просто неприятностями, а несчастьем: у Жени открылась язва двенадцатиперстной кишки. На пороге диссертации! Дядя Леня повез его в поликлинику старых большевиков. Старичок врач, обследовавший его, сказал, что болезнь — результат расшатанных нервов и переутомления. Никаких препаратов прописывать не стал, назначил диету и посоветовал ехать в деревню, пить мед.

Вот и еще три большие вехи на жизненном пути Храмова: институт, диссертация, болезнь. Многие ему сочувствовали. Действительно досадно. Другие недоумевали: неужели положение так серьезно, что немедленно надо все бросать и лечиться? Ведь осталось всего ничего, защитился бы и стал самым, может быть, молодым в стране кандидатом наук.

Но Храмов ни о чем не в силах думать. Ему кажется — но, возможно, это и в самом деле так,— что он устал смертельно и болен тоже смертельно. Отныне единственной его заботой становится язва. Она не дает ему покоя, хотя особенных физических страданий не причиняет.

С сожалением его отчислили из аспирантуры — временно, с правом вернуться, когда позволит здоровье.

Храмов вечером у себя в комнате составил план дальнейшей жизни и записал его в маленький блокнотик в переплете из зеленого сафьяна,— получилось пять пунктов. Привычку планировать он завел еще по окончании института. Сам придумал, никому не подражал. Он не выписывался из квартиры дяди Лени, не снимался с комсомольского и военного учета, не снимал денег со сберкнижки — в предвидении скорого возвращения. В букинистическом магазине он купил несколько французских и английских книг. Учебники английского и французского были куплены раньше. Он намеревался к знанию немецкого прибавить знание и этих языков (четвертый пункт плана).

Дядя Леня купил ему билет на поезд. Его жена приготовила еды на дорогу. Храмов упаковал два чемодана, послал телеграмму отцу, чтобы встречал, и отбыл в город Киров.

Все тот же, даже ничуть не постаревший объездчик Андрей ждал его с коляской, только лошади были другие. В коляске лежал провиант на три дня пути — мать обо всем позаботилась. Июльская погода стояла прекрасная, солнце, смолистый дух безбрежных лесов — а Евгений Храмов был мрачен, во всю дорогу едва перекинулся с Андреем тремя словами. И стал еще мрачнее, когда коляска свернула на усадьбу и отец крикнул радостно: «Мать, ленинградец наш приехал!» Они целовали его и обнимали, а он стоял, повесив руки вдоль худого своего тела. Очень обиделся за «ленинградца». Даже то, чему следовало бы радоваться, его раздражало. Отец был крепок, на лице ни морщинки, только чуть поседел, а ведь ему уже пятьдесят четыре. Мать как будто остановилась на сорока годах и больше не старела. Узнав о причине его неожиданного появления, отец чуть ли не весело сказал: «Ну и ничего, эка невидаль — язва! Поправишься, поправим тебя!» Мать в первую минуту опечалилась, но, сообразив, что из-за болезни Евгений проживет у них долго, может быть, целый год, даже обрадовалась. И это окончательно испортило приехавшему всякое настро-

ение. Он решил, что ему или не верят, считают это каким-то притворством, или им его здоровье недорого.

И потекли в семействе Храмовых новые будни — для матери с отцом радостные, для сына как бы подневольные. Пасеки в лесничестве не было, но меду нашли по окрестным ближним и дальним деревням во множестве и самого разного. И травных настоек мать наделала по старинным народным рецептам, но пить их Евгений категорически отказался. За ним ухаживали, как за младенцем, ловили каждое его слово, каждый взгляд, а он все больше замыкался в себе. Мед, впрочем, пил.

В конце концов, видя, что их повышенное внимание только раздражает сына, родители предоставили его самому себе. Он много гулял, немного читал — книг было маловато — и порою заглядывал в свою недописанную диссертацию, намечая дальнейший ее ход. И принялся за английский...

Однако пора покончить с подробным жизнеописанием молодого Евгения Храмова. Его портрет, конечно же, не завершен, но главные черты, как надеемся, каждому ясны. Перезимовав, Евгений отправился в Москву показаться доктору. Тот нашел его посвежевшим и окрепшим. Однако язва не исчезла. Рекомендовали лечь в стационар.

Следующие шесть лет изложим сжато, используя лаконичные записи дневника, ведшегося Храмовым нерегулярно.

«Дядя Леня все устроил... Три месяца лечения не дали заметного результата. Лежать больше нет смысла. Вернулся в лесничество.

Пожилой гражданин (лежал со мной в палате) ругал меня — при такой язве надо работать, все пройдет. Черта с два! Еще разок перезимуем».

«Началась война. Немцы напали».

«Отец гонит в Киров, в военкомат. Поехал в Москву. Взял выписку из истории болезни. В военкомате посмотрели, решили освидетельствовать. Снова глотал трубку, сдавал анализы. К службе не годен. Попутно нашли еще что-то. Кровь плохая. Должен освидетельствоваться через год. Открепился, встану на учет в Кирове.

В институте заплатил комсомольские взносы, снялся с учета. Никто меня не хочет узнавать. Свинство. Набиваться не собираюсь. Взял деньги со сберкнижки. 11 383 р.».

«Отец смотрел документы из военкомата. Успокоился. Беспокоит радиопр. Я сделал к нему приставки, может ловить европейские станции, но движок работает плохо, дает неровный накал. О. обещал испр.». «Все время говорят о вкладе в оборону. Моим вкл. будет диссертац.».

«Я же не виноват, что болен. Я бы рад».

«Петр с женой (я забыл ее имя, оказывается, Ольга) пишут — уезжают из Москвы. Надолго, м. б., на год или больше. Куда — не пишут, адреса не дают. Интересно. Мать плачет».

«Ездил в Киров — военкомат. Язва на месте. Теперь еще год».

«Немцы вышли к Волге. Что же будет?»

«Пишу диссертацию. Сюда бы Ленинскую библиотеку!»

«Ездил в военкомат. Лучше, но язва на месте. Была комиссия. Сняли с учета совсем. Тем лучше. Противно одно — 27 лет, а уже белобилетник».

«Отец сломал ногу. Помогал топографам чинить триангуляционную вышку. Сам виноват. Мог бы послать плотника. Андрей ездил за врачом. Положили в гипс».

«Обследовался по собственному почину. Язвы нет. Здоров».

«Пробую писать рассказы. Несколько уже готово. Кажется, ничего себе».

«Победа!»

...Последнее слово записано уже не в лесничестве. Солнечным апрельским утром 1945 года Евгений Храмов с готовой диссертацией в чемодане — не кандидатской, а, как он считал, докторской диссертацией — приехал в Москву.

Если использовать его же выражение, все было на месте, кроме язвы, которая исчезла. Дядя Леня оставался на своем прежнем высоком посту, только почему-то ходил в военной форме с погонами генерал-майора. Жена его тоже продолжала работать. Комната сохранялась в нетронутом виде, ждала его. В институте приняли если и не с распростертыми объятиями, то вполне по-товарищески. Но... ах, если бы не это «но»!

Его диссертацию читали три очень знающих специалиста, и мнение было единодушным: не только на докторскую, как самонадеянно рассчитывал Храмов, но и на кандидатскую она не тянет. Автор сильно отстал от жизни. Все, о чем он трактует, давно оставлено практикой позади. Но искра божья у автора, безусловно, есть. Вывод: следует повторить аспирантуру.

Это был удар для его самолюбия, хотя в глубине души Храмов понимал, что уважаемые профессора правы. Понимал, но не принимал. Затая обиду, считая себя чуть ли не оскорбленным, он поступил в аспирантуру, как будто делал институту великое одолжение, тогда как одолжение делали ему.

Начав заниматься, он быстро убедился, что за прошедшие годы в области знаний, касающихся твердых сталей, накопилось так много нового, что ему впору было идти не в аспирантуру, а на студенческую скамью. Давняя привычка ходить в лидерах не позволяла Храмову признать свою отсталость, а преувеличенное самолюбие — оказаться незнающим. Он всерьез засел за изучение нового.

Но было еще и тщеславие. Он привез с собою из лесов десяток рассказов — надо попробовать их опубликовать. Осенью 1946 года Храмов пошел в редакцию одного из популярных органов. Вот почему в начале этой главы мы говорили, что нам еще придется вернуться к периодическим изданиям.

Напустив на себя застенчивость, которой вовсе не испытывал, Храмов вошел в большую комнату литературного отдела, где по четырем углам стояли письменные столы. Увидев не сидевшего, а стоявшего за столом слева у окна мужчину, Храмов безошибочно определил, что он и есть заведующий. За другими столами сидели женщины.

Отделом литературы в этой редакции заведовал человек лет пятидесяти. Отменно вежлив, прекрасные манеры, очки в тонкой, как намек, золотой оправе. Его можно было бы отнести к тому типу мужчин, который принято называть энглизированным, если бы не чичиковское брюшко.

Храмов робко поздоровался, зав спросил, что ему угодно. Храмов подошел поближе, вынул из портфеля рукопись, отпечатанную на машинке, и сказал, что принес рассказ. «Вообще-то надо бы вам сдать ее в наш отдел писем, но раз уж вы пришли прямо к нам...— Он протянул руку.— Давайте». Храмов по неопытности думал, что рассказ тут же и будет прочтен, но на сей раз ошибся. Респектабельный зав заглянул только в последнюю страничку, чтобы узнать, каков объем рукописи. А Храмов успел за это время разглядеть среди раскиданных по всему столу журналов и бумаг две яркие обложки — журналы «Лайф» и «Лук». Он смотрел на них так, словно увидел наконец на прилавке в магазине давно разыскиваемый галстук. Английский он изучил, но читал только классику, а ему хотелось узнать, что такое современный язык. Наблюдательный зав перехватил его взгляд и спросил с симпатией:

— Вы знаете английский?

— Да, немного. Самоучкой.

Зав бросил его рассказ на стол и сказал по-английски, указывая на стул:

— Садитесь, пожалуйста. Кем вы работаете?

Храмов сел и, чувствуя уже неподдельную застенчивость, ответил тоже по-английски:

— Я аспирант института стали.

— Сколько вам лет?

— Тридцать.

Зав опять заглянул в последнюю страницу его рукописи.

— Ну что ж, рад познакомиться, Евгений Петрович. Меня зовут Анисим Михайлович. У вас прекрасное произношение. Никогда не подумаешь, что вы самоучка.

— Всю войну слушал английское радио. Я жил в лесу на кордоне, приемник мы не сдавали.— Храмов был польщен безмерно, он весь сиял.

— Минуточку,— сказал зав по-русски, взял рассказ и подошел к женщине, сидевшей у окна в другом углу.— Алла Михайловна, голубушка, прочтите в ближайшее время, пожалуйста.— Вернулся к своему столу, выдвинул из правой тумбы ящик, достал пачку журналов «Лайф», протянул их Храмову.— Вот, возьмите. Я вижу, вы заинтересовались. Эти, на столе, я только что получил, еще не читал. Но и эти не старые.

— Спасибо.— Храмов даже растерялся, что редко с ним случалось.— Но как же...

— Вернете, когда явитесь получать отказ.— Зав повел очками в сторону женщины, которую звали Аллой Михайловной.

Шутка могла бы прозвучать двусмысленно, если бы эта женщина не была в столь почтенном возрасте. Храмов положил журналы в портфель.

— Огромное спасибо. Извините.— Он поклонился, но Анисим Михайлович не прощался, вышел вместе с ним.

В коридоре Анисим Михайлович взял Храмова под руку и заговорил совсем другим тоном, очень доверительно:

— Вам когда-нибудь приходилось заниматься редактированием?

— Нет.— Храмов чувствовал себя удивительно свободно с этим человеком, хотя они были знакомы всего пятнадцать минут.— А почему вы спрашиваете?

— Не хотите попробовать?

— А это что?

— Очерки, статьи, рассказы.

— На русском?

— Да, переводные. С английского. Я потому и говорю с вами, что вы знаете язык.

— И оригиналы есть?

— Есть.— Анисим Михайлович остановил его в небольшом холле.— Хотите попробовать?

— С удовольствием.

— Подождите меня.

Он вернулся с голубовато-серой папкой в руке.

— Вот. Здесь сорок страниц. И оригиналы. Сможете принести через неделю?

— Постараюсь. А править прямо на этих страничках?

— Да.

— Карандашом?

— Можно чернилами.

— Ясно.

— Запишите на всякий случай мой рабочий телефон.

Храмов спрятал папку в портфель, записал телефон. Анисим Михайлович протянул руку.

— До свидания.

Рука у него была мягкая, как пастила...

Шагая к центру, Храмов мысленно восстанавливал секунда за секундой свой краткий, но так неожиданно закончившийся визит в редакцию. Скоропалительность, с которой Анисим Михайлович сделал свое предложение, его удивляла. Но, может, так вообще принято в журналистской и литературной среде?

Не менее удивительным было разительное несоответствие внешности этого человека и его имени. Анисим... Храмову представлялось, что обладатель такого имени должен, во-первых, жить в деревне, а во-вторых, быть дюжим ражим мужиком. Или, наоборот, затюканным, облезлым мужичонкой. Это, конечно, из области фантазии, но во всяком случае Храмову так подсказывало воображение: Анисимов он до сих пор в жизни не встречал...

Вечером он с неведомым доселе удовольствием принялся за работу. В папке оказались две статьи и рассказ. Бумага необыкновенно белая и плотная, шрифт на машинке явно не наш — заметно мельче, и рисунок букв другой. Анисим — так стал звать про себя Храмов скорого на решения заведующего литературным отделом — дал ему второй экземпляр, из-под копирки. Ну, да, понятно: если он, Храмов, только зря измарает этот экземпляр, у Анисима останется для работы первый.

Сначала Храмов прочел все насквозь. Перевод был плохой. Собственно, не перевод, а подстрочник, калька. Непохоже, чтобы переводил русский. Статьи посвящены Америке.

Затем он приступил к правке, сверяясь с английским оригиналом. Правил все-таки карандашом, чтобы после обвести чернилами.

В школе за сочинения он неизменно получал пятерки, ошибок не допускал. Значит, коекакая культура языка у него есть. А сейчас он видел перед глазами вывернутые наизнанку, скособоченные, искалеченные фразы. Эта работа представлялась ему работой костоправа, починяющего вывихнутые руки и ноги.

Продолжение следует.

НОВОСЕЛЫ

Фото
Анатолия БОЧИНИНА

Здесь все молодое — и стены и люди. «Наш гимнастический зал — самый современный в Европе» — такими словами встретил меня один из молодых тренеров, работающих в этом зале, Валерий Павлович Алфосов. И в это нетрудно поверить. Совсем недавно новый гимнастический зал, открытый на московском стадионе «Динамо», принял новоселов, и здесь все сверкает новизной, все самого современного покроя.

Зал поражает своими просторами, прекрасным оборудованием, а у снарядов мы видим совсем маленьких гимнастов, которым в пору посещать не этот просторный зал, а детскую площадку. Однако стремительно меняются не только спортивные арены, но и те, кто их посещает. Современный спорт молодеет с каждым годом, и одним из самых молодых, бесспорно, стала гимнастика. Кто теперь удивится, узнав, что победу на крупных соревнованиях по самой сложной программе одержала четырнадцатилетняя девочка? В мужской гимнастике, правда, все сложнее, гимнасты выходят на широкую арену попозже, годам к семнадцати.

Когда Валерий Павлович Алфосов, закончив год тому назад Московский институт физкультуры, пришел на работу в новый гимнастический дворец «Динамо», он решил растить не новых Турищевых, а Андриановых. Алфосов ходил по московским школам, внимательно приглядывался к семилетним мальчишкам на уроках физического воспитания, беседовал с юными абитуриентами и их родителями. Ведь гимнастика — дело серьезное, оно требует усидчивости (да, усидчивости, как это ни странно, в таком непоседливом занятии), смелости, желания достичь трудных высот. И вот молодой тренер уже второй год ведет к этим высотам своих тридцать маленьких учеников.

Подведены даже кое-какие итоги. В прошлом году питомцы Алфосова освоили второй юношеский разряд и теперь собираются выступать по первому юношескому. В борьбе за кубок Михаила Воронина ученики Алфосова Шамиль Курбанов и Андрей Панченков разделили второе и третье места. Ну, а те, кто еще ни разу не поднимался на пьедестал почета, полны радужных надежд.

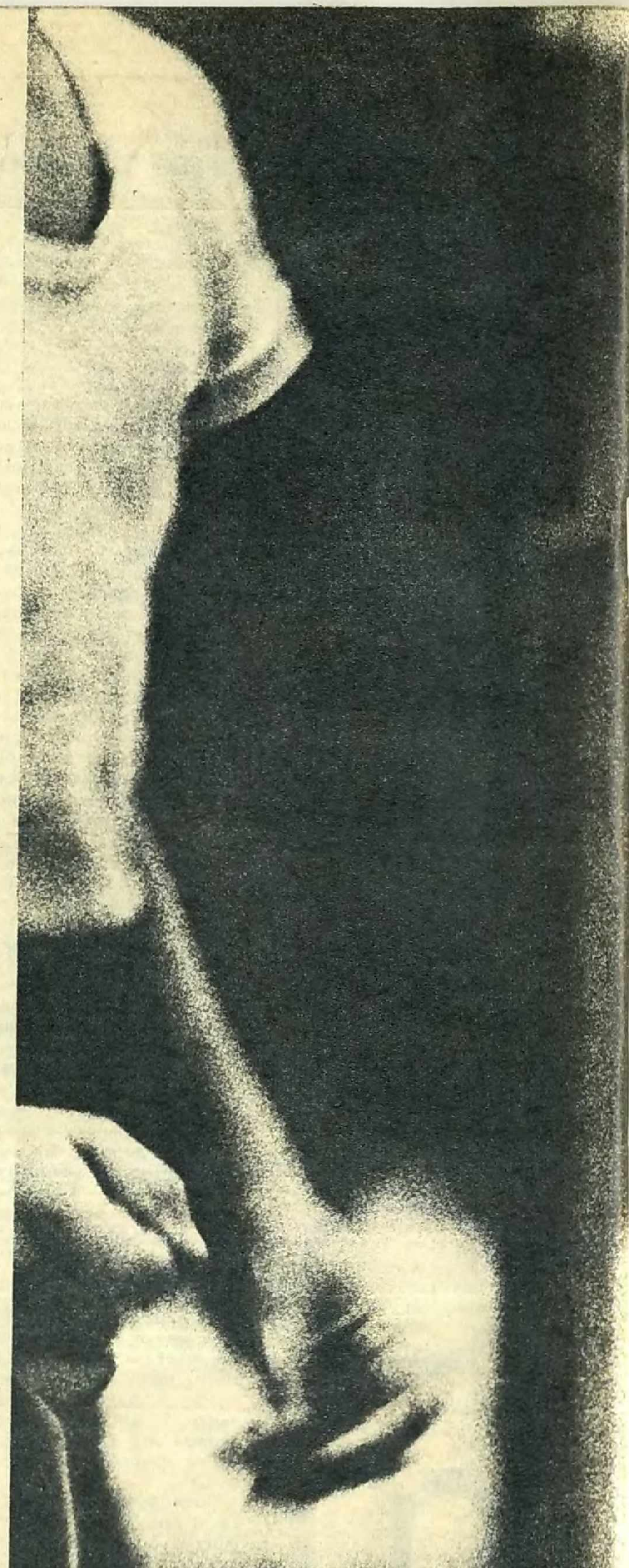
Разве угадаешь, кто из этих худеньких шустрых мальчишек окажется самым способным? Вот взять хотя бы одного из них — Олега Спискова. Пока он еще ничем не выделяется в своей группе. Лучше всего, пожалуй, успевает в акробатике, а труднее всего ему приходится на брусьях. Но что с ним будет через несколько лет? Кто ответит на этот вопрос? О ком мы услышим на будущих олимпийских помостах?

Но зачем забегать вперед так далеко! Сегодня Валерий Павлович Алфосов просто проводит очередное занятие со своими учениками.

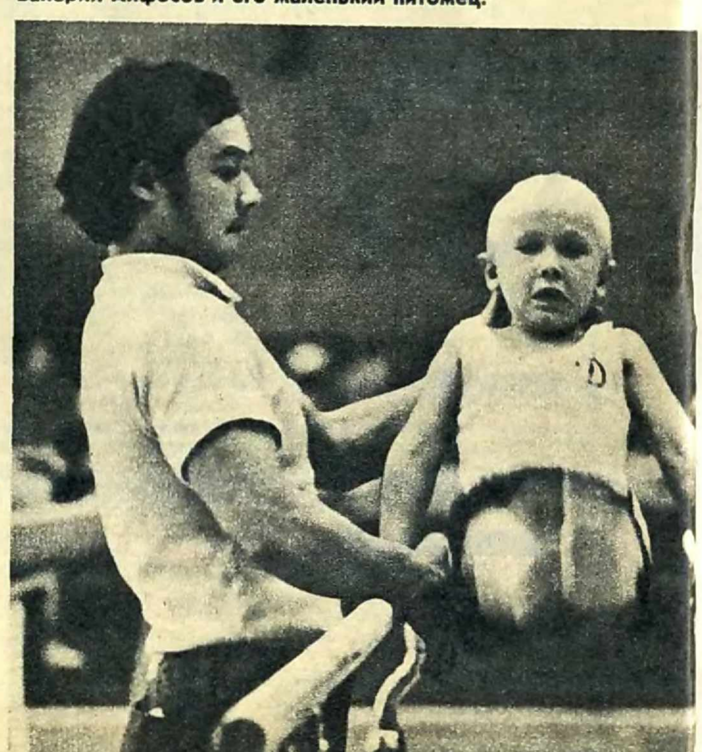
В. ВИКТОРОВ

Сережа Николаев и Олег Списков.

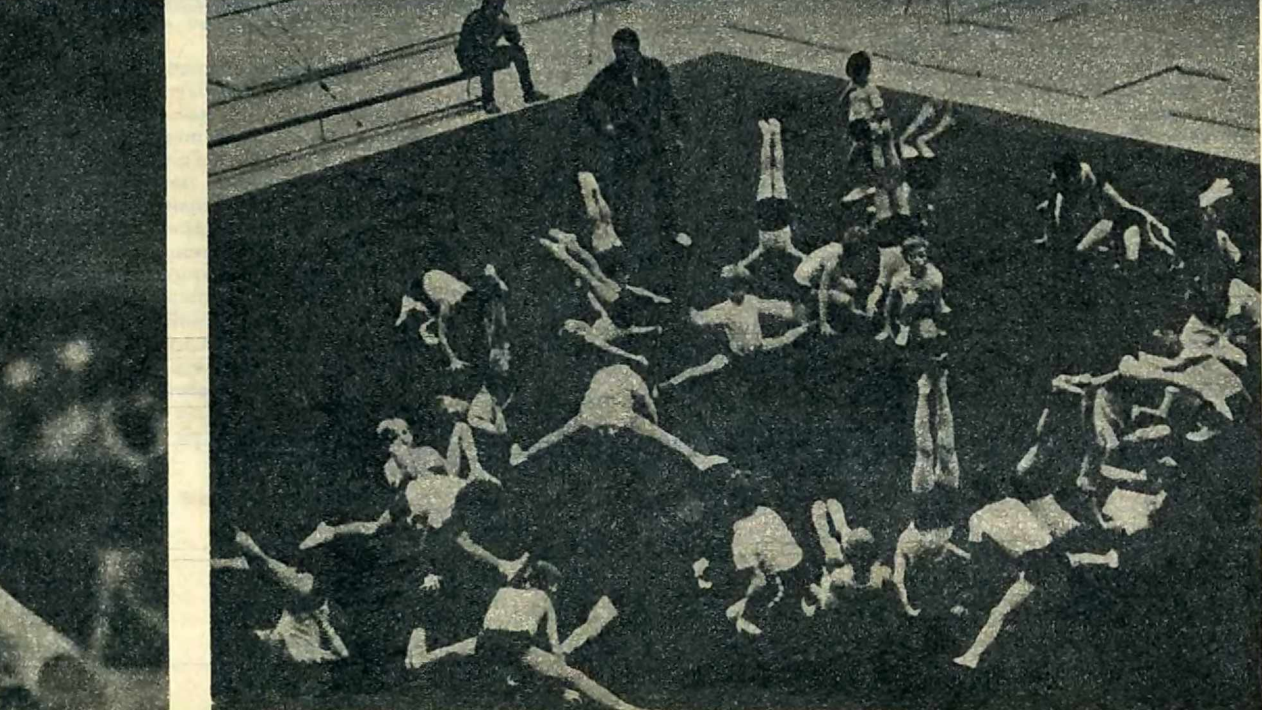

Валерий Алфосов и его маленький питомец.

К будущим высотам.

Разминка.

Будущие Андриановы.

СССР ГЛАЗАМИ ДРУЗЕЙ

Под этой новой рубрикой в год 60-летия Октября на страницах нашего журнала вы познакомитесь с впечатлениями от поездок в Советский Союз зарубежных друзей. Сегодня слово — корреспонденту болгарского журнала «Отечество». Станка Пенчева вместе с коллегой из «Огонька» недавно побывала в Узбекистане.

ВКУС СЧАСТЬЯ

Станка ПЕНЧЕВА

Рядом с советскими специалистами в Газли работали болгары.
Фото В. Сваричевского

Старая женщина сидела на полу, среди кусков глины, как маленький Саваоф, создающий из мокрой земли Жизнь. Пока мы разговаривали, пальцы ее не останавливались — привычными, почти песенными движениями бабушка Хамро из кишлака Уба ваяла своих коротконогих, но готовых помчаться вскачь жеребят, своих большерогих, с вытаращенными глазами барашков. Они окружали ее со всех сторон, словно только что появившиеся из материнской утробы, еще мокрые, еще бесцветные, еще беззащитные. Они должны были пройти через огонь, чтобы стать крепкими и звонкими, и через краски бабушки Хамро, чтобы стать наивно и дерзко пестрыми. А одна простая, но умело сделанная дырочка должна была дать им голос, чтобы они пронзительно свистели, прижатые к детским губам, черным от плодов тутового дерева.

Возле печи лежала сваленная в кучу белая высохшая глина — в ней спали будущие жеребята и барашки. «А наша глина вкусная,— сказала бабушка Хамро,— попробуй!» И я положила на язык кусочек сухой узбекской земли. Той же самой, из которой были воздвигнуты древние, слившиеся с холмами стены Афрасиаба и минарет Калян; той же самой, над которой светили звезды Улугбека и гремели копыта арабских и монгольских коней; той самой, которая рождала горы хлопка, с ревом извергала нефть и газ. Она была соленой, как кровь. Как слезы. Как пот.

Так началось мое путешествие по земле Узбекистана. Горячая и светлая, она одаривала меня то виноградом и алым гранатом, то прохладой гостеприимного деревенского дома, то улыбками на лицах людей, родившихся на этой земле. Не могу сказать, что за короткие дни путешествия я узнала ее — это невозможно. Но вкус ее ощутила.

Городок, после моей зеленой родины, казался мне продолжением пустыни. Песок, песок, песок... Грело уже ленивое осеннее солнце, асфальт не плавился, деревянные бараки и вагончики не были так раскалены, что могли загореться, улеглись грозные песчаные бури. Поселок Газли буднично трудился: компрессоры качали газ в железную утробу газопроводов, школьники писали в тетрадках, высунув от усердия языки, стучали, как дятлы, молотки и тёсла, молчаливо затвердевал бетон. Сейчас все было спокойно: будто не гудела земля и пески не метались, как морские волны, будто не плакали дети, выскакивая из обваливающейся школы, будто не горел факел газа... Ничего не было забыто — просто люди жили, думали об ужине, о зиме, о своих детях.

Новые дома, как все новые дома, приятно пахли деревом, краской, известью. А из пустых комнат, с недостроенных крыш раздавалась самая дорогая для моего слуха болгарская речь. Как муравьи, почерневшие от кызылкумского солнца, сновали по стройке болгарские пареньки — Божидар и Илия, Георги и Ивайло.

Они приехали сюда из-за юношеской жажды увидеть что-нибудь новое, экзотическое и, скажем прямо, чтобы заработать денег. Но ударил страшный подземный колокол. И наступил час проверки. Газли рухнул. Часть бараков — общежития болгар — была отдана под больницу. И парни в первый раз в своей жизни увидели человеческую кровь. Они не виноваты, что не знали войны, бомбардировок. Не виноваты, что испугались: это было естественно. Важнее другое. Только единицы бросились назад, навстречу караванам нагруженных грузовиков, которые уже стекались сюда со всех краев, далеких и близких. Все остальные выбрались из развалин, бросились гасить пожар, проникли в компрессорную станцию, под вставшие дыбом, готовые каждый миг обрушиться металлические конструкции. Они забыли, когда ночь и когда день. Перекусывали быстро, на ходу, похудели и почернели. А асфальт уже кипел, и палатки могли каждую минуту воспламениться; не хватало воды, а через Кызылкум уже неслись гривы песчаного ветра...

Боюсь громких слов. И все-таки миг, когда мужество победило испуг, был мгновением героизма. Но вслед за ним потянулись три долгих, с тяжелейшей нагрузкой, непосильных месяца. Они тоже были героизмом. И, может быть, еще большим.

Потом построили первые дома. Женщины и дети перебрались из палаток в комнаты, пахнущие деревом и известью. Одна из женщин открыла дверь своего нового дома и, не переступив порога, вдруг расплакалась, а губы ее смеялись, а может быть, наоборот, рассмеялась, а из глаз ее текли слезы, и сказала: «А я уже забыла, как открывают и закрывают дверь!»

Приближалось начало учебного года. Ученики из Газли были отправлены на каникулы в пионерские лагеря, но они скоро должны были вернуться и спросить: «Где наша школа? Где наш дом?» И болгарские парни спешили. Узбекская школа, русская... Они положили первый слой штукатурки на школу, когда рано утром увидели: углем неумелыми детскими буквами на стене было написано: «Спасибо вам, болгарские братья!» И это был самый красивый лозунг о дружбе.

А в Бухаре есть один странный дом. В нем говорят то по-болгарски, то по-русски. В библиотеке более трехсот книг, и опять — то на русском, то на болгарском. В этом доме вечерами звучит музыка: гремят водопады баховских фуг и прелюдий, звенят колокольчики в голосе Лили Ивановой. Жену зовут Лариса, мужа — Любомир. Смешение имен продолжается и дальше: дочка — Наташа, сын — Крум...

Романтика жива еще на нашей земле! Двенадцать лет назад из села Мадан, Михайловградского округа, пришло письмо в город Калинин. Оно начиналось словами: «Незнакомый друг!..» — и заканчивалось лихо закрученной подписью: «Любомир». Да, романтика жива: целых двенадцать лет шли навстречу друг другу письма из Мадана в Калинин, из Калинина в Мадан. Пока наконец не встретились их отправители. Пока лихо закрученная подпись Любо и девичья подпись Ларисы не были торжественно поставлены одна рядом с другой.

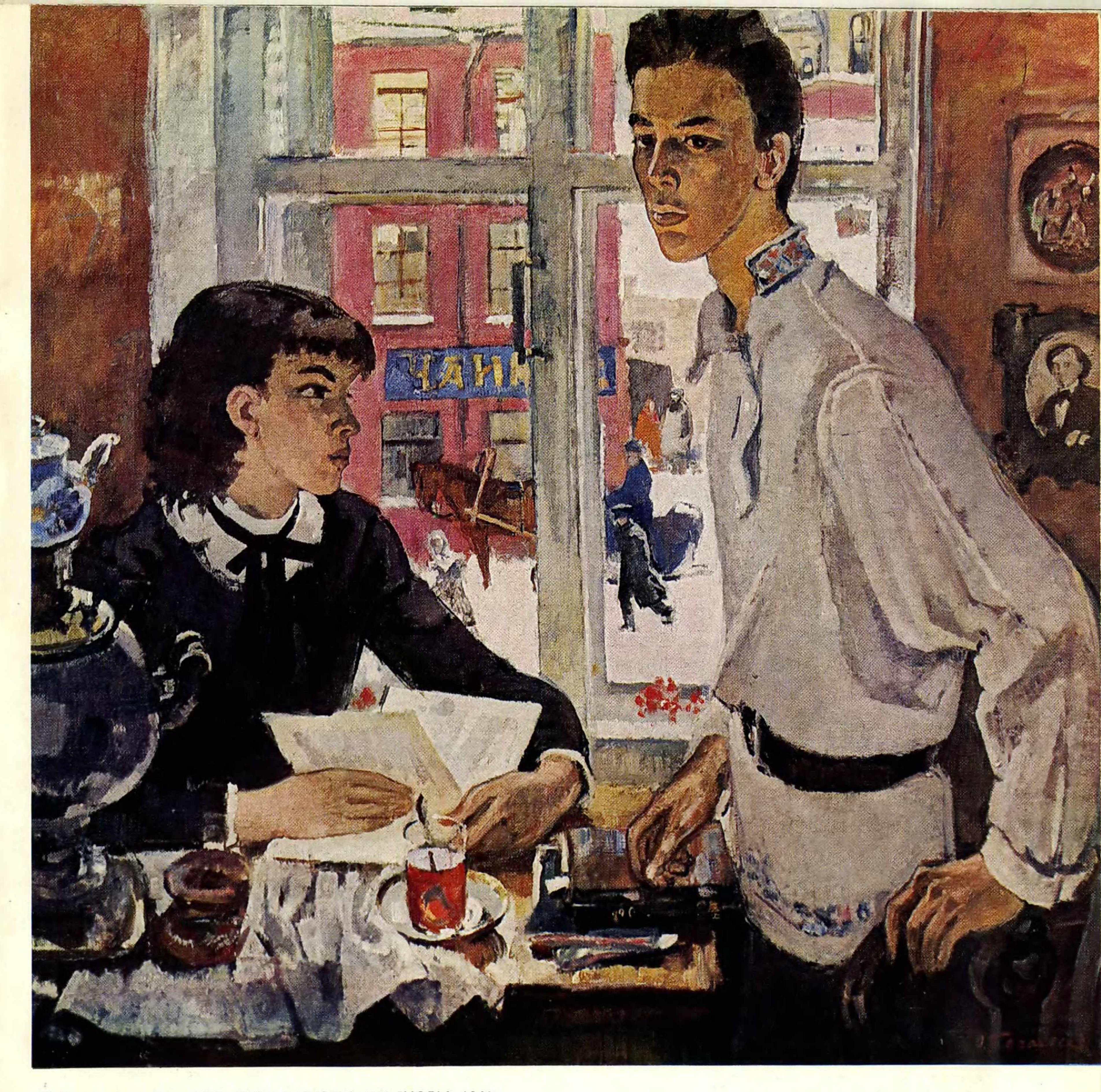
После, кроме романтики, было много всего. Например, слезы. Лариса окончила музыкальное училище, ей снилась сверкающая сцена, она дирижировала во сне огромными хорами, а днем возвращалась из канцелярии в свою кухню. «Потерпи еще немножко,— говорил Любомир.— Знаешь, что купим в самую первую очередь, как только соберем деньги? Купим тебе пианино. Потому что ты самая красивая, самая талантливая, самая...»

Кроме романтики, были еще и беды. Дом в Бухаре в эти дни молчал, даже дети говорили шепотом. В больнице в Кагане умирал смуглый болгарский парень: его сбил пятнадцатитонный грузовик. ...Кто совершил чудо? Может быть, хирург, доктор Баймурзаев. Может быть, любовь. Потому что Лариса сидела день и ночь возле своего «незнакомого друга», держала его руку и словно переливала в него свою кровь, свою жизнь.

Что еще их ожидает? Наверно, и хорошее, и плохое, и заботы, и радости. А я тайно их благословляю: будьте всегда такими же красивыми и молодыми — светлая, как русалка, русская девушка и тонкий, гибкий болгарский парень. Пусть все-таки беды вам встречаются реже. Пусть хрупкая нежность между вами устоит против эрозии времени, чтобы всегда становились добрее глаза людей, остановившись на вас. Были же когда-то Инсаров и Елена...

В моей комнате сияют глиняные игрушки бабушки Хамро, цветет хлопок на чайнике и пиалах, которые мне подарила поэтесса Зульфия. Гравированное блюдо из Бухары, тюбетейка из Самарканда, надписанная пластинка Баха. Десятки адресов людей, с которыми встретилась надолго или ненадолго, которых, может быть, больше не увижу, но они уже часть меня самой. Нити, которые связывают людей и народы, идут от человека к человеку — через запах бетона и старых книг, через чашку чая и мелодию фуги, через соленый вкус пота, слезы и земли.

Узбекистан — Болгария.

О. Богаевская. Род. 1915. БРАТ И СЕСТРА УЛЬЯНОВЫ. 1969.

Выставка «Изобразительное искусство Ленинграда».

Е. Моисеенко. Род. 1916. ЧЕРЕШНЯ. 1969.

Выставка «Изобразительное искусство Ленинграда».

Юлиан СЕМЕНОВ

Рисунки И. УШАКОВА

Грегорио, друг Эрнесто

Грегорио долго смотрел на предзакатное багряное небо, в котором плавали сиреневые щуки с оскаленными пастями,— такие здесь странные облака. Он достал из нагрудного кармана вылинявшей полотняной куртки «табако» — длинную, толстую сигару, неторопливо, замирающе раскурил ее, а потом глубоко затянулся — в отличие от других кубинских курильщиков, которые лишь смакуют во рту пьянящую горечь черного табака.

— С Сан-Сальвадора задувает норд-вест,— сказал он.

— Оттуда идет циклон,— согласился патрон[1] нашей шхуны «Сигма-8» Луис.— Об этом сегодня дважды передавали по радио.

— Я не слушал радио,— ответил Грегорио.— Просто я чувствую, когда с Сан-Сальвадора задувает норд-вест.

— Чем же ты это чувствуешь? — спросил патрон Луис.— Кожей?

— Кожей это не учуешь,— сказал Грегорио.— Ты же видишь,— он поднял сигару над головой, и серо-голубой дымок начал ввинчиваться в теплую тишину неба,— пока не дует. Я это чувствую не кожей. Я это чувствую старостью.

— Вьехо[2],— подмигнул «сервидор» Томас, матрос-кок, а на самом деле тоже «патрон дель барка», капитан шхуны, но он сейчас учится в Гаване и поэтому не капитанствует.— Они все знают, эти вьехо, нет от них спасения...

— Ты и вправду не слышал радио, старик? — спросил Хуан, наш «макиниста» — механик и одновременно рулевой.

— У меня внутри свое радио,— усмехнулся Грегорио.— Оно меня никогда не подводит. Из тех семидесяти лет, что я плаваю на море, оно меня ни разу не подводило, это мое радио.

А из семидесяти лет, что Грегорио плавает — всего-то ему уже восемьдесят,— двадцать четыре года он был патроном яхты «Пилар», принадлежавшей гражданину США, жившему на Кубе. Американца звали Эрнест Хемингуэй.

— Мы успеем, вьехо? Мы сможем поставить снасть? — спросил патрон Луис.— Или начнет задувать так, что нам придется убегать в Харуко?

— Горло у меня пересохло,— ответил Грегорио.— Ты же знаешь, мой маленький Луисито, как у меня плохо с горлом.

— Налей ему рома, Томас,— усмехнулся патрон Луис, сероглазый, маленький, ловкий рыбак, отец которого, друг Грегорио, стал кубинцем шестьдесят лет назад, приехав сюда из далекой испанской провинции Галисия.

Грегорио попробовал то, что ему протянул Томас, и брезгливо вернул стакан сервидору.

— Это лимонный сок, сахар и лед,— сказал он.— Для дайкири, которое лечит мое горло, здесь недостает только одного — рома. Когда человеку пошел девятый десяток, его довольно трудно обмануть.

[1] Капитан.
[2] Старик.

Томас плеснул рома из большой пузатой бутылки в стакан Грегорио.

— Мас,— сказал тот.— Еще.

— Но это же будет «алкохол», сплошной «алкохол»,— сказал Томас.

— Ром — это ром, а не алкохол,— ответил Грегорио.— Мас, пор фавор[3].

Медленно и вкусно выцедив сквозь зубы дайкири, Грегорио подмигнул патрону Луису:

— Вот теперь иное дело. Поехали. Мы успеем поставить снасть до того, как начнет задувать.

«Тар-так-тар», — застучал движок; «Уyфррр» — забурлило под килем, и, рассекая воду, тугую, прозрачную, слезно-чистую, мы пошли из Кохимара в море, в Карибы, и зеленый берег все уменьшался, и уже не видны были черные стволы пальм, их маслянистая, игольчатая листва, желтые, спелые орехи, и только торчали сахарные зубы гаванских небоскребов, и казалось, что торчат они из воды, будто диковинные, сказочные города в океане...

— Хемингуэй был мальчишкой, когда я с ним познакомился.— Грегорио снова глубоко затянулся, и голубые глаза его — зоркие, мудрые, спокойные — на мгновение исчезли, прикрытые, словно вздохом, тяжелыми веками.— Это было в двадцать пятом году. Он тогда еще не был Папой. Он стал Папой, когда ему сравнялось сорок — это еще даже и не возраст истинного отцовства, это же ребячий возраст: голова вроде бы и ничего, варит-крутит, и на сердце зазубрины есть, а вот тело — поди с ним управься!

— Ты это своей Долорес расскажи,— посоветовал патрон Луис.

Слушая Грегорио, он насаживал на огромные кованые крючки полосатых, жирных макрелей; надо сделать сто таких наживок, пока шхуна идет к месту лова, чтобы взять хороших акул — тибуронов, эмперадоров и агух — сине-полосатых, реактивно устремленных (только что без турбин) рыб-мечей.

— Я это рассказывал моей Долорес в девятнадцатом году, когда женился на ней. Я сказал ей, мой маленький Луисито, что я моряк...

— А что, она думала, ты маэстро?[4]

— Она не думала, что я маэстро, я до сих пор неграмотен, хотя, как тебе известно, я очень красиво расписываюсь, но я намеренно подчеркнул в нашем решающем предсвадебном разговоре, что я моряк.

— Ты провел свой предсвадебный разговор ночью, вьехо? — спросил Томас.

— Она же была единственной невестой, мальчик,— ответил Грегорио, и я услыхал и зримо ощутил образ Дон Кихота Ламанчского, влюбленного в Дульсинею из Эль Тобосо,— она была официальной невестой, а не портовой, а с настоящими ночью лишь мечтают о будущем или поют...

— Ну и что ты ей «подчеркнул»? — спросил Томас.

— Я подчеркнул в нашем предсвадебном разговоре следующее: «Я моряк, Долорес, я люблю море и никогда ему не изменю. Я буду плавать в разные страны, заходить в иностранные порты, пить виски в кабаках, драться на пряжках с жадными французами и ночевать в домах свиданий у добрых и несчастных шлюх. Но, подчеркнул я в предсвадебной беседе с Долорес, любить я буду тебя преданно, до последнего вздоха, если только ты захочешь любить меня таким, какой я есть, чтобы мне никогда не приходилось врать тебе и прятать глаза, и Долорес согласилась со мною, и вот мы счастливы уже шестьдесят лет, маленький. А счастливая жизнь, это вроде хорошего плайя[5], особенно того, который в Варадеро: юноши гордятся своими пятнадцатилетними невестами, молодожены ревнуют друг друга, хотя и обнимаются на людях; те, у которых есть дети, забыли про ревность и любуются своими дочерями и сыновьями — эти уже прошли самый опасный рубеж, а старики просто лежат себе и загорают — что им еще осталось делать?!

(«Два самых устойчивых возраста у человечества,— подумал я,— детство, которое кажется вечным, и старость, конец которой не может представить себе ни один, даже самый древний старик».)

— Так что ты начал про Папу? Ты не объяснил, отчего его стали называть Папой, когда он был таким еще молодым, сорокалетним,— сказал Луис.

— Чего ж здесь объяснять,— ответил Грегорио.— «Папа» — это его военный псевдоним, когда он работал в военно-морской разведке США. Мы начали воевать против Гитлера еще до того, как янки вступили в войну, и Куба не вступила в войну, а мы уже стали солдатами, и дон Эрнесто запретил нам звать его Хемингуэй,— только Папа. Я перестал быть Грегорио. Я стал Грегори, потому что у него на первой войне был какой-то итальянский друг с таким же именем. Два баска, которые жили в его доме после испанской трагедии, получили английские имена. Раньше-то считали, что Хемингуэя называли «Папой» из уважения. Из уважения называют «маэстро». А он стал «Папой». Для него ничего другого и не придумаешь... Вообще-то все люди разделены на два разряда: на тех, кто писает в море, когда купается, и на тех, кто не писает,— совесть не позволяет. Папа никогда не писал в море, и поэтому, когда началась война, он не мог отсиживаться в своем доме в Сан-Франсиско-де-Паула, он не мог не начать свое сражение против Гитлера, и я горжусь тем, что воевал рядом с ним.

(Кто читал последний роман Хемингуэя «Острова в океане», должен знать, что Грегорио там выведен в двух ипостасях: в первой части он — Эдди, убивающий акулу, которая неслась на сына Хадсона; в третьей — Антонио, который вместе с Хадсоном ищет фашистов, ушедших с подводной лодки.)

— Так вот,— продолжал Грегорио.— Папу я встретил впервые, когда он был без бороды. И таким он был молоденьким в двадцать пятом году, что даже и не верится сейчас. Я тогда плавал на «испанце», моя мама — испанка с Канарских островов, и поэтому у меня всегда сохранялись добрые отношения с моряками Испании. Вообще-то я начал плавать на «испанце» еще в девятьсот пятом году, с отцом, когда он служил на паруснике, там он и

[3] Еще, пожалуйста.
[4] Учитель.

[5] Пляж.

умер. Я, кстати, был с ним в Ленинграде в девятьсот пятом.

— Тогда еще этот город был Петербургом...

— Для меня Ленинград всегда был Ленинградом,— со спокойным достоинством ответил Грегорио и закурил «табако». Он несколько раз глубоко затянулся, потом пыхнул бело-голубым дымом в сине-багровое вечернее небо и вздохнул.— Когда я впервые познакомился с молодым Папой, начинался такой же циклон, как сейчас, а «испанец», шхуна, где я капитанствовал, хоть и называлась «Хоакин Сито», на самом деле была маленьким парусником, чуть больше нашей барки, и я убежал в порт Тортуга, к янки, чтобы переждать шторм, а там уж собралось видимо-невидимо их военных кораблей. Я стал на якорь и только тогда заметил легонькую лодочку, оборудованную под яхту,— с парусом и махонькой двухместной каюткой. Лодчонка эта стояла рядом со мной, и ее здорово трепало даже в бухте. Парень, который стоял на палубе, помахал рукой и попросил разрешения подняться ко мне на борт. Мы бросили ему конец, и он хорошо подтянулся, легко и сноровисто, хотя был очень большим и весил фунтов сто пятьдесят, не меньше, и сказал: «Кэп, отведите меня в Ки-Вэст, я не знаю, как идти туда в такой ветер и в такую беззвездную ночь». А я ответил: «Не затем я учил наизусть кодекс моря, чтобы нарушать его: вашу лодчонку разобьет, как только мы выйдем из бухты...» «Это не ваша забота,— сказал молодой янки.— Я предупрежу наших военных, что вышел в море на свой страх и риск». «Нет,— ответил я.— Все равно я не поведу вас. У меня нет дел в Ки-Вэст, я хожу под кубинским флагом, и мне очень не хочется сообщать вашим родным о времени вашей гибели». «Что касается моей гибели, то это моя забота, а не ваша; смерть, как любовь, здесь нельзя советовать. А уплачу я вам достаточно». Тот молодой янки говорил на кастельяно очень плохо, с акцентом, у них ужасный акцент, у всех северян, и я не очень-то понял его слова о смерти и любви, я понял только, что он сулит мне деньги, и этого было достаточно. «Иди,— сказал я ему,— иди отсюда, янки. Я не «бич», который продается за зелененькую, я кубинский капитан Грегорио Фуэнтес Бетанкур, запомни это». Янки, впрочем, не обиделся. «Напиши мне твою фамилию»,— попросил он. «Это очень легко запомнить,— ответил я,— Грегорио Фуэнтес Бетанкур, у меня простое имя, даже ребенок запомнит». «Ты живешь в Гаване?» «Нет, в Кохимаре, в десяти милях от нашей столицы. А что?» «Ничего,— ответил янки,— просто мне очень интересно знать, где живет такой строгий, но справедливый капитан, который выучил наизусть весь морской кодекс». Я назвал ему номер той халупы, где жил тогда, и он записал в свою книжечку мое имя и адрес, а потом сказал: «Может, ты, не нарушая морского кодекса, объяснишь мне, как следует идти в Ки-Вэст при такой погоде?» «При такой погоде не следует идти в Ки-Вэст». «Это я уже слышал. Но если представить себе идиота, который решил идти в Ки-Вэст, как он должен прокладывать маршрут?» Я его спросил: «Ты хоть карту умеешь читать?» Он ответил, что немножко читает карту, но, когда я начал объяснять ему, какие банки стоит обойти во время норд-веста, чтобы не сесть на мель, и где — возле островов в океане — есть рифы, особенно опасные во время отливов, и он отмечал все это на своей карте, я понял, что молодой янки знает толк в море.

Утром ветер по-прежнему трепал небо, но маленькой лодчонки возле меня не было. Я помолился за упокой души этого здорового, молодого и веселого янки и начал готовить себе завтрак... Прошло лет пять, и вдруг ко мне ночью, в Кохимаре, прибегают с почты, стучат в окно и говорят, что из Гаваны звонит какой-то важный американец, знаменитый корреспондент, и требует меня к телефону. Я никак не мог взять в толк, зачем я потребовался американскому корреспонденту: ведь раньше все янки сидели в «Тропикане» или в «Севилье», и там пили джин, разбавленный водой, и тискали своих худосочных баб с голыми спинами, и слушали свою музыку, которую, страдая, играли наши ребята. «А как зовут того янки?» — спросил я. Мальчишка с почты ответил, что имя у него испанское, Эрнесто, и фамилия тоже испанская, точь-в-точь как название нашего города Камагуэй. Не знал я никакого Камагуэя. Ладно. На почту все же пошел и услыхал в трубке писклявый голос — у Папы был совсем не мужественный голос, у всех настоящих моряков совсем не героические голоса. «Здравствуйте, кэп; я послал за вами машину, приезжайте ко мне, надо поговорить кое о чем». Мне понравилось, что шофер отвез меня не в Ведадо, запретный район, где жили одни буржуи, а в старую Гавану, около Кавалерии, в бар маленького двухзвездочного отеля, и там за стойкой сидел тот янки, которого я обматерил в бухте Тортуга, и он сразу предложил мне выпить рома, а потом спросил, не хочу ли я с ним поработать: «Я намерен пожить у вас на Кубе всерьез и, если скоплю денег, думаю купить яхту». Я ответил, что не стану у него работать, и он не обиделся и сказал, что «натрезво» беседа у нас не получится, и мы начали пить. Мы много пили в тот вечер, Папа вообще-то хорошо пил, он добрел, когда пил, и никогда не выдрючивался, как свинья на бечевке, не выказывал себя знаменитостью, не замечал подхалимов, что вертелись вокруг, и не сердился, когда я стоял на своем, отказывая ему: все-таки какой-то заезжий янки, куда ни крути, что у нас общего?! Я стал патроном его яхты «Пилар» семь лет спустя, когда узнал, как он воевал в Испании, вместе с кем, за что и против кого. Он ведь тогда мальчишка был — тридцать шесть лет всего, а мне сорок, пора было остепеняться, пора было начинать чувствовать не только море, но и людей — только потому я пошел работать к Папе и теперь благодарен за это судьбе, потому что сеньор Хемингуэй «персона респетабле пор тодо эль мундо»[1], и кто бы что бы сейчас ни говорил о нем, я всегда буду повторять: это был Человек, нет таких больше и не будет... Словом, я начал работать с ним и бывать у него в Сан-Франсиско-де-Паула: он там построил второй дом, для тех басков, которые приехали с ним из Испании, борцы против Франко. Папа кормил их, поил, одевал, давал деньги; он им словно брат был — ничего не жалел, а ему деньги нелегко давались, ох, как нелегко. Это только те люди, которые путают корреспондента с писателем, считают, что ему деньги с неба сыпались. Папа жил, когда писал свои книги, у него тогда лицо светилось и глаза были солнечные, а когда он готовился к книге, он пил или рыбачил, или делал разные другие дела в ночных домах старой Гаваны, но не оттого, что был распущенным, а потому лишь, что готовился к новой работе. А к ней, говорил он, не подготовишься, если не отбросишь все старое и не почуешь к себе брезгливость — сколько времени зря уходит, а ты — паршивый расхититель того, что отпущено тебе одному, и в чем ты, расхититель, ответствен перед целым светом, а не перед сварливой бабой или глупым начальником.

— Вьехо,— окликнул Грегорио патрон Луис,— пойдем дальше, или будем ставить таблеро[2] здесь?

— Еще с милю я бы прошел,— ответил Грегорио,— только я бы взял на северо-запад градусов тридцать, не меньше.

Грегорио сказал это сразу же, почувствовав наше место в ночном море, не глянув даже на звезды — близкие здесь, дрожащие изнутри, переливно-зеленые, тревожные, будто множество самолетов зашло на посадку и кружит над огромным ночным аэродромом, жалостливо испрашивая у далекого диспетчера права на усталую посадку, на воссоединение с планетой Земля...

Патрон Луис поправил курс не по навигационным приборам, разъединяющим человека с его «навыками противостояния природе», а легким поворотом деревянного бруса, который на самом деле был «рулем» нашей шхуны, и сразу же ковш Медведицы сместился вправо, и зачерпнула невидимая рука углом этого звездного ковша парное, искристое море...

Грегорио положил недокуренную «табако» на чуть вибрирующую крышку машины — восьмицилиндрового движка нашей шхуны и пошел к ящику со снастью. Большие, рабочие, иссеченные шрамами пальцы Грегорио легко откинули крышку и осторожно, с ласкающей нежностью прикоснулись к голубой леске, толстой, но легкой, рассчитанной на самых больших тибуронов.

[1] Самый уважаемый человек в мире.
[2] Крестообразные поплавки рыболовецкой снасти.

— Песка модерна[3]! — белозубо улыбнулся патрон Луис.— Готов, старик?

— Песка вьеха[4] лучше! Я готов,— ответил Грегорио, но не белозубо, оттого что спрятал свой великолепный, словно у американского актера, протез: во время лова тибуронов всякое может случиться, с рыбой надо уметь драться изо всех сил, особенно если попадется тибурон-тигр или гальван, асуль, зорро, песмартийо — сколько их, этих акул, разве всех упомнишь?! А потерять, сражаясь с тибуронами, то, что позволяет тебе бесстрашно улыбаться, что позволяет тебе не считать себя стариком, глянув в зеркало, это никак нельзя. Когда человек выглядит старой развалиной, он невольно вызывает жалость к себе, а жалость всегда соседствует со снисхождением, а море этого не принимает, оно принимает только равных себе, остальных губит.

— Начали,— сказал патрон Луис.

Хуан, макиниста, сразу же сбросил обороты двигателя; Томас зажег *мечеро* — фитиль, укрепленный в большой лампе, залитой нефтью; лампу эту, в свою очередь, он укрепил в таблеро — крестовине поплавка, сделанной из пенопласта, стремительно передал ее Луису, тот сноровисто бросил этот свет в море, а следом зашвырнул крюк с нанизанными макрелями, а Грегорио ловко опустил *бойа* — буй, а потом стремительно вернулся к леске, которую он пропускал сквозь ладони, чтобы не было, сохрани бог, узелков.

— Песка вьеха! — крикнул Грегорио молодым голосом, нагибаясь то и дело над ящиком со снастью, ликующе оправляя ее, колдовски, упоенно ею командуя, этой громадной восьмикилометровой снастью, подчиненной сейчас его натруженным, большим рукам, его глазам, которые не знают, что такое очки, опыту, который — если только он истинен, а не придуман — не знает возраста.

— Песка модерна! — рассмеялся патрон Луис, задавая работе ритм; он был сейчас словно метроном на черной плоскости рояля Микаэла Таривердиева — такая же страстность, загнанная внутрь, такое же внешнее спокойствие, трагичная маска безучастности на лице и достойный артистизм в выражении своего ремесла.

Семьдесят минут шла эта стремительная, изматывающая, слаженная работа: факел в руках Томаса, наживка — у патрона Луиса, буй — у Грегорио, факел Томаса, наживка Луиса, буй Грегорио — и так до жуткого четко, и это было бы автоматично, а следовательно, некрасиво, если бы патрон Луис то и дело не восклицал:

— Вьехо, не замотай нас всех своей скоростью!

А Грегорио отвечал:

— Лусито, мой маленький! Ленивым можно быть на плайя, когда загораешь под январским солнцем, но ленивым нельзя быть в кровати и на море!

Томас шепнул мне:

— Сейчас он поддаст нам жару...

И, действительно, Грегорио крикнул Хуану, макиниста:

— Прибавь оборотов!

И тот прибавил обороты, и леска зажужжала сквозь ладони Грегорио еще стремительнее; то и дело плюхались лампы в море, разбиваясь на сотни звезд; макрели, нанизанные на кованые острые *ансуэло* — крючки для тибуронов, чертили алюминиевую кривую, стремительно прорезая темень, и Старик громко и ликующе кричал морю:

— Песка вьеха фуэ мехор[5]!

Потом, когда вся снасть была заброшена и в море зажглись сорок четыре новые звезды — это наши факелы вписались в отражение мироздания, и патрон Луис начал мыть бак (они до невероятия чистоплотны, эти кубинские рыбаки, они подчеркнуто чистоплотны), Хуан вписся в бинокль: рыбаков подчас похищают пираты, получающие оружие из секретных фондов ЦРУ, Томас начал жарить рыбу в соевом масле, кипевшем на газовой печке, а Грегорио, отхлебнув рома, сказал:

— На факеле номер двадцать четыре будет тибурон.

— Почему? — спросил я.

— В том месте перепад глубин,— ответил Грегорио.— Там идет подводный риф, а потом начинается глубина, тибуроны любят эти перепады.

[3] Новая рыбалка.
[4] Старинная рыбалка.
[5] Старинная рыбалка лучше.

(Море и звезды — как же он **знает** свое море, а?!)

— Песка вьеха,— хмыкнул патрон Луис.— На сорок третьем факеле будет тибурон, и на первом тоже, а на твоем двадцать четвертом мы найдем лишь хвост от барракуды.

— На сорок третьем скорее всего будет агуха, а на первом ничего не будет, оттого что ты проскочил мое место метров на пятьдесят, маленький Лусисито, а на двадцать четвертом будет тибурон,— повторил Грегорио и обернулся ко мне.— Папа тоже всегда шутил, вроде маленького Луиса. Папа часто подтрунивал, будто бы даже грубовато, но только дураки считали его грубым; на самом-то деле он скрывал этой грубостью свою доброту. Он, помню, сказал мне: «Вьехо, тут говорят, что я шибко ученый, а я даже колледж не кончил, у меня нет той поганой бумажки, которая дает людям кусок хлеба,— диплома. Колледж я не кончил, зато прошел университет, который называется **жизнь**. Вот спроси меня, спроси, о чем хочешь, и я тебе на все отвечу». А я и спросил, чего ж не спросить, раз Папа сам предлагает. Я спросил его, отчего столько крови льет Батиста, почему такая нищета у меня на Кубе, кто виноват в том, что дети растут больными, лишены школы и больницы? Папа глянул на меня, но ничего не ответил, только что-то записал в своей тетрадочке, он почти всегда записывал в свою тетрадочку мои истории про плавания, про африканских львов, которых я видел в Сахаре, про революцию Панчо Вильи, про лов особенно больших эмперадоров и агух, про то, как задувает северный ветер, про то, что надо делать, когда пал штиль и нельзя идти под парусом по тихим протокам через островки, затерянные в Карибах,— в таких-то островках мы и шастали с ним, когда искали фашистские подводные лодки. Говорят, он книгу об этом написал и получил за нее шесть миллионов, и там даже обо мне написано — не знаю, я ведь читать не умею, но если он действительно написал об этом, то, значит, он написал все, как было, потому что он дотошливый и все по десять раз перепроверял. Так вот, он тогда мне ничего не ответил, только попросил сделать ему стакан мохито, и мы с ним выпили, а утром стали ловить рыбу. Папа сидел обычно на стульчике, который был укреплен на корме, и читал. Когда я замечал рыбу, я кричал ему из рубки, он бросал книгу и брал свой спиннинг. Я так и помню его: или читает, или пишет в тетрадочку, или у себя на даче печатает возле окна, или ловит рыбу: это были его самые любимые занятия. В тот день Папа поймал хорошую рыбу и был очень рад этому, а он радовался, словно ребенок, так же открыто доверяя свою радость окружающим, ничуть не думая, что его радость может родить их злобу, он только в последние годы научился закрываться, раньше-то подставлялся под удар, сколько же раз он подставлялся в своей жизни! Он, поймав хорошую агуху, становился хвастливым, как мальчишка, и забывал о своих ошибках во время сражения с рыбой, хотя он был замечательным рыбаком, но все равно, как любой земной человек, допускал ошибки, но он молчал о них или, может, не хотел их вспоминать и обязательно выставлял себя в самом лучшем свете, рассказывая мне наново про этот лов, и мне казалось, что он рассказывает совсем о другом дне и о другой рыбе, но он так интересно рассказывал, что я слушал его, раскрыв рот, и начинал ему верить — так он умел все представить, Папа. А еще он любил говорить о своих мальчиках, когда они были маленькими, и как они смело уплывали от тибуронов, которые гнались за ними в бухте во время подводной охоты, а я очень хорошо помню, как акула гналась за мальчиками, но он все так умел рассказать, что выходило еще интереснее и длиннее, а это очень важно, чтобы интересное, которое всегда коротко, становилось длинным, как хороший фильм. Так вот, в тот день, когда Папа поймал рыбу, он, выпив мохито, сказал мне: «То, что ты меня спрашивал о политике, очень важно, конечно, и я когда-нибудь отвечу, но я предпочитаю отвечать в своих книгах, вьехо. Про дерьмо, которое вами правит, надо говорить громко, а сказать громко — это значит, сказать в книге, все иное — шепот, безделица. (Читатель может посмотреть «Острова в океане» — там Хемингуэй ответил Грегорио, ответил честно и сокрушительно по отношению к Батисте и его банде.) А ты спроси-ка меня про сафари, спроси меня об Африке! В этом деле я любого заткну за пояс». Ну, я и стал задавать Папе вопросы, на которые может ответить только тот, кто жил в Африке, а я там жил долго, и Папа поначалу сник, но потом стал записывать мои вопросы в свою тетрадочку, а после попросил меня рассказать ему о Западном побережье, и я стал говорить ему про то, как видел со шхуны львов — огромные, гордые, они ходили по песчаному берегу Африки, и это были настоящие львы, а не прирученные ублюдки в Зоо, они с таким достоинством смотрели на нашу шхуну, они действительно были как цари. Папа не очень-то поверил: он, правда, ничего не сказал, он не любил обижать людей, он ведь был сильнее всех, потому что слово было за ним, но я почувствовал по его глазам, что он мне не верит: львы, которые ходят по берегу океана, среди высоких пальм, по белому песку, теплому и мягкому, и смотрят на тебя — такое не каждому дается повидать в своей жизни. Он несколько раз переспросил меня, в каком месте это было, в каком году и в какое время — утром или вечером. Назавтра он уехал в Сан-Франсиско-де-Паула, копался в своей огромной библиотеке, смотрел справочники по Африке и по львам, а потом сказал мне: «Ты видел такое, что дается немногим, я завидую тому, что ты видел. Я теперь верю, что ты видел **это**, маленький, значит, так может быть, и я вправе об этом писать».

(Эй, вы, правдолюбцы! Те, кто критиковал Хемингуэя за то, что он лишен «связи с жизнью», лишен «испанских корней»! Иные радетели и хранители вкладывают в это понятие один лишь национальный фактор. Тогда все верно, тогда можно размахивать дубиной: разве может американец понять кубинца?! Какое он имеет право писать о человеке другой национальности?! Если же понимать «народность» как объединяющее, а не отчуждающее, тогда Хемингуэй — один из самых народных писателей, ибо он писал лишь о том, что было или «могло быть». Коли же прятать свою малость за великим термином «народность», тогда все верно, тогда Хемингуэй «холодный конструктор одной человеческой схемы».

...На пишущей машинке Папы, которая стоит возле окна, в его кубинском музее — в США, кстати, такого нет,— я обратил внимание на клавиш с двумя словами: «фул фридом»,— что значит «полная свобода». Хемингуэй никогда не менял эту машинку на новую, электрическую, с большими клавишами и типографским шрифтом, потому что там таких двух слов нет — изобрели другие, вроде «пропуск» или «свободный ход». А он работал, ощущая полную свободу чувства, и ему, видимо, было приятно видеть два слова на каретке: «фул фридом». Лишь ощущая полную свободу, писатель становится воистину народным, и неважно, право, какой национальности его герои, на каком они языке говорят, во что одеты, что едят — все это мелочь и суета, все это вторично и несущественно).

Окончание следует.

ЕСТЬ О ЧЕМ ПОДУМАТЬ

Бывают в редакционной почте письма, которые читаешь с большим волнением. Читаешь, думаешь о судьбе людей, которые прислали их, и... откладываешь в сторону. Люди, написавшие эти письма, ни о чем не просят — да и редакция ни в чем не смогла бы им помочь. Так же, как и никто другой... А давать советы поздно. Поздно, потому что самое тяжелое, самое страшное в их жизни уже произошло.

Некоторые письма — эти яркие человеческие документы — свидетельствуют о том, что их авторы сегодня уже и сами в состоянии в полной мере оценить совершенное, от других веет горечью непоправимости.

Но проходит время, и ты снова и снова вспоминаешь про письма, возвращаешься к судьбам людей, их написавших, и понимаешь, что присланы они в редакцию неспроста, не только для того, чтобы отвести душу, выговориться. Осознанно или неосознанно, люди решились поведать про свою жизнь, чтобы предостеречь других: смотрите, как распорядился я своею судьбою, а раскаиваться поздно...

Перечитав такие письма, понимаешь: их нельзя сдавать в архив, с ними нужно знакомить и других людей.

«Уважаемая редакция!

В 1972 г. я потерпел аварию на мотоцикле, и стало очень много времени. Все со мной произошедшее удивляет меня. И вот я более-менее кратко постарался описать все.

Вы, надеюсь, поймете, что это все правда до одной буквы.

Автобиография.

Год рождения — 1947.

65 год. Сел — 1 г. 6 мес.

67 год. Освободился.

68 год. Сел (2 года).

70 год. Освободился.

70 год. Опять сел.

71 год. Освободился.

72 год. Авария (и смерть брата в ней).

74 год. Операция (кровоизлияние в желудок).

...Но почему у меня жизнь не получилась, ведь все могу, рисую, читаю, людей из дерева вырезаю. Все шло (так мне кажется) нормально до определенного времени. Школу кончил. И весь тормоз в отце, он умер когда мне 16 было. Именно в эти годы человеку нужен руль и отец рулем мне был. И вот судно жизни потерпело крушение, оно потеряло руль.

Произошло непоправимое, жизнь завиляла... Необдуманный дурной шаг и пропасть — глубокая, а падать страшно, а я и сейчас лежу. И вот кажется затаенная мысль выныривает и появляется в голове: а не то ли меня губит, что я и сейчас пытаюсь обдурить своего ближнего? Может, я на мелочах выигрываю, а в большом проигрываю. Вот раз обманул и получилось, а дальше все пошло как во сне. Дурил или даже пытался дурить — получалось.

Обнаглел, охамел и стал на всех плевать... И для меня запрет анулировался. Я делал все, что хотел. И вот тормоз. Власть есть и крепкая. И вот лежи и болтай сам с собой. А есть о чем поговорить и подумать.

Николай»*.

На конверте — ни адреса, ни фамилии. Только почтовый штемпель — свидетельство того, что письмо прислано из Ставрополья. Не пишет автор и о том, какие преступления он совершал. Да и в этом ли дело? Преступник есть преступник, даже если он еще не пойман. Здесь другое важно — затаенная мысль, «выныривающая» в голове: «...может, я на мелочах выигрываю, а в большом проигрываю?» Большое — это сама жизнь, это счастье. Большое — право открыто смотреть в глаза людям, право быть Человеком.

Процесс выздоровления начался. Дорогая цена? Еще какая дорогая! Но ведь и право называться Человеком того стоит!

А бывает хуже, бывает, что прозрение приходит слишком поздно. О таком случае написал А. Ханшин из Пермской области. В его письме речь идет не о преступнике. Вернее, не об уголовном преступнике. Ведь загубить свою жизнь и испортить жизнь близких — тоже преступление. Факт, о котором рассказывает Ханшин, настолько незаурядный и поучительный, что приведу письмо полностью:

«По долгу службы мне пришлось жить и работать на лесных предприятиях в Юрлинском районе, Пермской области. Там я встречал таких людей, для которых личная нажива превыше всего на свете. На Верхне-Юмском лесопункте Юрлинского района почти четверть века жил и работал С.**. В 1930 году С. прибыл на Верхне-Юмский лесопункт и поступил работать в качестве кузнеца. Кузнец он был опытный и умелый, но только часто спорил с механиком гаража о расценках, просил делать приписки в нарядах. Он всегда обижался, что якобы мало зарабатывает, при этом ссылался на большую семью. Он всегда боролся за то, чтобы делать самую выгодную работу.

Вскоре С. стал строить для себя дом. Построил огромный особняк, потом за домом возникли на его усадьбе хлева, сараи, баня и другие хозяйственные постройки. Усадьбу он обнес высоким забором. Потом развел скот: корова с телкой заняла свое место в хлеву, овцы, свиньи, птица, множество кроликов... А ему все казалось мало. Приобретать, приобретать. Побольше приобрести вещей. Весь пыл его души отдавался тому, как разбогатеть, жить лучше всех в поселке. Он сажал огромный огород, занимая его под картофель и овощи, — скот, как известно, надо кормить. Едва отбыв свои часы в кузнице, С. спешил домой и здесь начинал второй рабочий день — работал в огороде, запасал корма, строил, ремонтировал... Спал не больше 4—5 часов. Не знал ни отпусков, ни выходных. Постоянно ругал жену и детей, заставлял их работать до упаду, до изнеможения. Он постоянно ругал своих семейных, попрекал их куском хлеба. Чем больше у С. росло хозяйство, тем невыносимее в этом доме становилась жизнь. Сам С. не читал книг, не интересовался общественными делами...

Замученные постоянной домашней работой, а также строгостью хозяина, члены семейства стали разбегаться. Ушли от отца сыновья, покинули дом все три дочери, а С. обижался на своих детей: «Вот какие нынче дети растут, им и слова нельзя сказать. Молодые люди работы боятся, ленивая нынче пошла молодежь».

Вышел кузнец С. на пенсию, пенсию получал приличную, а жадность его не покидала. Угрюмый и неразговорчивый старик бился с огромным хозяйством. Двор попрежнему был забит живностью... Жена изобрела такую форму протеста — постоянно уезжала к кому-нибудь из детей и подолгу жила там, отдыхая от «домашних дел». И только после настойчивых требований мужа, когда он начинал ее непрерывно забрасывать телеграммами, жена возвращалась к домашней каторге... Но уж такая была у С. натура — чем больше он имел денег, тем больше хотелось иметь.

Недавно я узнал, что за высоким забором, в усадьбе бывшего кузнеца произошла драма — С. покончил жизнь самоубийством: жена опять хотела уехать к одной из своих дочерей».

* Стиль и пунктуация подлинника.

** Фамилию редакция не приводит по вполне понятным причинам.

Что может радовать человека больше, чем дети, которых он вырастил настоящими людьми, честными и трудолюбивыми! И что может быть горше, если дети покидают его, покидают без сожаления — из-за того, что отец стал чужд им, из-за того, что под отцовским кровом воздух пропитан духом стяжательства и наживы...

Еще одно письмо, еще одна человеческая судьба:

«Уважаемая редакция... Мне хочется написать вам о человеке, указавшем правильную дорогу в жизнь. Когда мне было 22 года, на моем пути встретились люди, вкусившие «сладость» мест заключения. Пользуясь моим безволием и влечением к спиртному, начали потихоньку затягивать на скользкую тропу преступного мира. Потом суд... Времени для раздумий было много, но на путь исправления я не встал. Стал завсегдатаем в чифирнике, отказывался от работы, контрабандно доставал спиртное... Стал частым гостем в штрафном изоляторе. Карты и водка все сильней затаскивали меня в трясину... Прошло 2 года. «Друзья» менялись. Многие ушли домой, и мне порою казалось, что навсегда утону в топкой трясине преступлений. Однажды в нашем учреждении появился новый работник, контролер штрафного изолятора. Среднего роста, коренастый. Открытый взгляд... Однажды, увидев, как я лежал, сжавшись в комок, он сказал: «Иди, парень, ближе, поговорим». Разговорились, и я, ничего не тая, открыл ему душу. Сразу почувствовал, будто гора с плеч свалилась, будто он открыл что-то новое. Постепенно Геннадий Григорьевич уводил меня дальше от глупых, бессмысленных людишек.

Начал ходить в библиотеку, оторвал от себя «друзей» и через 3 года 6 месяцев, отбыв наказание полностью, освободился. После освобождения уехал домой. Встречали «друзья». Подумал я и написал письмо своему наставнику. Он ответил, посоветовал, как быть. Уехал я в другой город, поступил на работу, вскоре женился. Родился мальчик, и я в честь своего наставника назвал его Геной. Сейчас учусь в институте заочно. Мне помогает супруга. Живу так, как нужно жить... Если встретите человека с чистым, открытым взглядом, не сжимайтесь в комок, а постарайтесь открыть ему тайну...

С уважением А. Л. Борисов».

Читая это хорошее письмо, невольно сожалеешь о том, что и Борисову и безымянному автору первого письма не встретились люди, подобные Геннадию Григорьевичу, раньше, тогда, когда им было по двадцать два года и «дружки» «потихоньку затягивали их на скользкую тропу преступного мира».

Нисколько не преуменьшая роли самого человека как кузнеца своей судьбы, как первого ответчика за свои проступки, вспомним на минутку и о тех, кто был рядом и не подставил в трудное время свое плечо, не протянул руку, не одернул. О тех, кто остался равнодушным, прошел мимо.

«Там, где умеренность — ошибка, там равнодушие — преступление» — старая эта истина, мне кажется, имеет прямое отношение к фактам, здесь рассматриваемым.

Я далек от мысли сваливать всю вину за чье-либо преступление или несложившуюся судьбу на родителей, школу, коллектив. Но наше общество потому и называется социалистическим, что человек человеку в нем должен быть другом, товарищем, братом. И мы не имеем права смотреть равнодушно, как засасывает болото кого-то из живущих рядом. И все здесь важно: и откровенный, нелицеприятный разговор, и презрение, выраженное открыто (а не обывательские пересуды за спиной), и суд товарищей, и суд народный. Но все это тема особого разговора, в котором, возможно, захотят принять участие и читатели.

С. ВЫСОЦКИЙ

КИЕВСКОМУ АКАДЕМИЧЕСКОМУ РУССКОМУ ДРАМАТИЧЕСКОМУ ТЕАТРУ ИМЕНИ ЛЕСИ УКРАИНКИ — 50 ЛЕТ.

Л. ВИРИНА

ВЛАСТЬ НАД ЗРИТЕЛЕМ

Театр ярко освещен. На сцене — труппа, отмечающая пятидесятилетний юбилей. В зале — рабочие и студенты, творческая интеллигенция, воины Советской Армии. Театр имени Леси Украинки, которым гордится республика, приветствуют мастера культуры. Микола Зарудный начинает так: «Очень хочется чуда! Хочется, чтобы вышли сейчас на сцену все те герои, которые обрели на ней свою жизнь!..» Говорит драматург убежденно и ярко, но ведь он не волшебник; тем не менее чудо происходит! На встречу с современным зрителем выходят комсомольцы двадцатых годов, герои пьесы Б. Ромашова «Конец Криворыльска» — пьесы, которой театр заявил о своем рождении. В один строй с ними становятся персонажи «Оптимистической трагедии» Вс. Вишневского и «Хождения по мукам» А. Толстого, «Генерала Ватутина» Л. Дмитерко и «Гибели эскадры» А. Корнейчука. Выходят на сцену герои-современники из спектаклей «Интервью в Буэнос-Айресе» Г. Боровика, «Человек со стороны» И. Дворецкого, «Испытание» Г. Бокарева, «И земля скакала мне навстречу» П. Загребельного... Главный режиссер театра, народный артист Украины В. Ненашев в кругу сценических героев вовлекает зрительный зал в размышление о взаимосвязи жизни и искусства, труда и творчества, личности и коллектива...

Это был необычный юбилейный вечер, знаменательный не только для одного театра. Зримо и взволнованно он воплотил характерные процессы советского театрального искусства. Приветствуя юбиляров, первый заместитель Председателя Президиума Верховного Совета УССР В. Шевченко, член Политбюро ЦК Компартии Украины, первый секретарь Киевского горкома партии А. Ботвин, министр культуры республики А. Романовский говорили о том, что театр имени Леси Украинки достигает широкого влияния на зрителя прежде всего верным служением идеалу партийности в искусстве, той последовательностью и страстностью, с которыми пропагандируются идеи патриотизма и гуманизма, дружбы народов.

Волшебство искусства — в верности жизни. Власть художника над зрителем — в умении зорко видеть, чутко слышать действительность, находя среди неисчерпаемого множества явлений и судеб этапные, выражающие исторические цели народа. Свидетельством тому — многогранная биография интереснейшего театра, где сочетаются лиризм и публицистичность, внимание к классике и проблемам сегодняшнего дня. Все его сценические герои — люди неповторимые, часто контрастные. И тем не менее воспринимаются они как преемники в развитии важной и близкой коллективу большой нравственной темы.

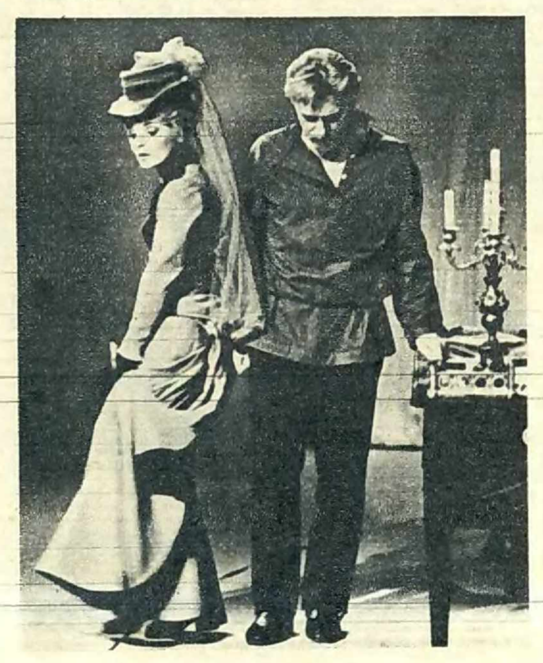
Еще нередко мы встречаемся с попытками выдать однообразие за постоянство. Недавние премьеры киевлян начисто опровергают такие «теории». Верность — как человеческая, так и творческая — не обедняет, но обогащает действительность, делает жизнь окрыленной. Человек и равнодушие — уже в самом понятии антиподы. Так, думается, можно выразить мысль, которую последовательно отстаивает театр, исследуя личность и ее назначение, ее ответственность перед обществом, эпохой, перед собой.

В свое время широкую славу театру принес «Живой труп» Л. Толстого с Михаилом Романовым в роли Федора Протасова. Трагическая судьба толстовского героя стала для режиссера и артиста, для всего коллектива «отправной точкой» в социально непримиримом и художественно точном обличении мира стяжателей, умертвляющего все живое в человеческих стремлениях и чувствах. С той поры театр не раз обращался к русской классике... А. Островский, М. Горький, А. Чехов находили неизменно оригинальное, бережное толкование. И вот нынешний «Иванов» — своего рода декларация театра к юбилею.

В «Иванове» постановщик В. Ненашев и большинство исполнителей выступают прежде всего продолжателями лучших традиций театра, способными не «воспроизводить» то, что было найдено знаменитыми предшественниками, а дополнять и развивать эти находки с позиций времени.

Самые неожиданные прочтения первой чеховской пьесы появились во многих театрах за последние годы: тризна по Иванову, апофеоз Иванова... Спектакли подчеркнуто бытовые или, напротив, откровенно условные... Театр имени Леси Украинки ни с кем не полемизирует. И менее всего — с Чеховым. Гневный протест против равнодушия, обывательщины, засасывающих человека в трясину пошлости, пронизывает творчество Чехова. Этим же протестом проникнут и спектакль киевлян. И прежде всего Иванов — Л. Бакштаев... Никакой аффектации, никакого надрыва нет в его герое. Духовные метания, приступы непреодолимой тоски, всплески надежды сдержанно, даже строго воплощены артистом. Вместе с тем образ, созданный Л. Бакштаевым,— пример того, как лаконична может быть эмоциональность. Огромные, без преувеличения, страсти владеют его Ивановым. Жить дальше он не способен потому, что нет выхода его страстям,— значит, они не окрыляют, а тяготят, рождают вместо разбега усталость. В ее власти Иванов не однажды допускает чуждые его натуре компромиссы, чтобы в конце концов восстать против самого себя! Не отчаяние, не отречение, а, напротив, запоздалая решимость, мужественное прозрение звучат в финальном выстреле Иванова: он выносит приговор и себе и среде, опутавшей его узами безделья и скептицизма.

А. Роговцева и Л. Бакштаев в спектакле «Иванов».

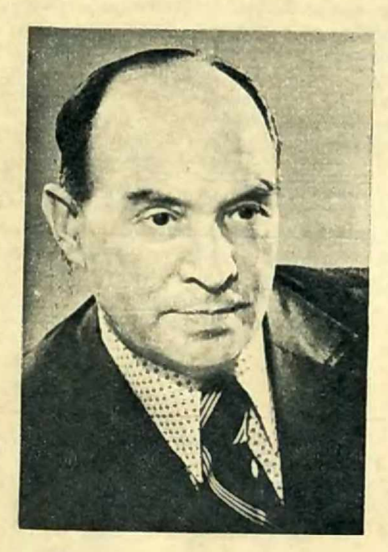

Целая галерея колоритнейших представителей обывательской среды создана в спектакле. Зюзюшка в мастерском исполнении А. Николаевой и ее муж Павел Лебедев — отличная работа Д. Франько; Авдотья Назаровна — маленький шедевр Е. Опаловой; акцизный Косых в гротескной характеристике Е. Балиева; управляющий Боркин — А. Пазенко; невеста-вдова Марфа Бабакина И. Буниной... Внешне беспечные, даже ласковые — это омерзительные хищники. И каждый по-своему угрожает мечте, убивает мечту.

В ближайших планах театра — новое произведение М. Зарудного «И отлетим с ветрами», пьеса болгарского драматурга Г. Джагорова «Эта маленькая земля»... Драматургия очень разная, а вместе с тем дающая театру возможность продолжить разговор о месте человека в нынешнем мире, о путях к подлинному, большому счастью.

Полны энергии и вдохновения ветераны сцены — В. Добровольский, Ю. Лавров, А. Таршин, Е. Опалова, Д. Франько... Новыми творческими красками радуют артисты среднего поколения: А. Роговцева, А. Николаева, Н. Подовалова, В. Заклунная, А. Смолярова, Ю. Мажуга, А. Решетников, А. Ануров... И все более интересно, уверенно заявляет о своих возможностях молодежь театра. Все прочнее, многообразнее связи театра со зрителем, власть искусства над зрителем.

К 60-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
МИХАИЛА ЛЬВОВА

БЫТЬ СЧАСТЛИВЫМ СО ВСЕМИ

Знакомство с новыми стихами Михаила Львова для меня — как встреча с давним и старшим другом. Трудно повидаться с поэтом — все-то он в дороге, в поездках, в полетах... Вот и его строчки как раз об этом:

Человек беспокойный,
сидеть не могу в кабинете,
Не могу усидеть в кабинете —
в чужом иль своем.
Жизнь ужасно спешит.
В самолетах рождаются дети.
И — в полете мы пишем.
И в космосе песни поем.

А рядом возникает как бы спрессованная многолетними раздумьями, доведенная до афористичности убежденность:

Без слова поэта — истории нет.
Без слова поэта — грядущего нет.
Без нас не полна
современность.

Читаешь новые стихи Михаила Львова, и растет ощущение, что поэт словно бы перед каким-то важным для себя рубежом внутренне собрался и положил перед читателем главные свои мысли, ценные душевные накопления, россыпи зрелых наблюдений, скопившиеся за последние годы.

Да, Михаил Львов — ровесник Октября и переступает черту шестидесятилетия. Для истории страны это малый, а для человека — весьма солидный возраст. Но вот верить, что Михаилу Львову исполняется шестьдесят, не хочется: слишком молод он по своему темпераменту, неуемной подвижности и свежести дарования.

Родился М. Львов в татарском селе Насибаш, а работать после учебы ему довелось на Урале. Первая книга поэта «Время» вышла в 1940 году — перед войной. В составе Уральского гвардейского танкового корпуса ушел он на фронт. Вот почему уральцам — воинам и труженикам он посвятил свои книги военной и послевоенной поры — «Дорога», «Письмо в молодость».

Многогранна тематика стихов М. Львова, публицистичность и актуальность их несомненны. Даже названия некоторых его поэтических сборников красноречиво свидетельствуют об этом — «Мирный человек», «Живу в двадцатом веке», «У нас в России».

Значительными вехами на его творческом пути станут и две недавние книги, вышедшие в свет одна за другой.

Примечательно названа первая из них — «Объяснение в любви». И подзаголовок к ней — лирика. Под одной обложкой здесь собраны не только строки любовной лирики, но и лирики в более широком и полном смысле этого слова — гражданской, военной. Да, и военной, ибо судьба поколения, к которому принадлежит поэт, сложилась так, что молодость его прошла в солдатской шинели и ему пришлось не просто служить Родине, но и защищать ее.

Однако жизнеутверждающей силой своей лирики Михаил Львов как бы опровергает то ходячее выражение, что когда говорят пушки — музы молчат. Напротив:

Бессмертным именем любви
Благослови меня на подвиг,
На мужество благослови.

Наиболее сильно и полно военные стихи представлены в «Избранном», увидевшем свет в издательстве «Художественная литература».

Был Львовым пройден боевой путь по дорогам Украины и Польши, Германии и Чехословакии, и поэту вместе с теми, кто остался жив, довелось самому не только подводить итоги войны, а переходить с танковых гусениц на рельсы мирной жизни. Давалось это не очень просто, но существовала фронтовая хватка, поддержка боевого содружества даже тех, за кого он теперь обязан был и жить, и мыслить, и творить, ибо они

ушли — непреклонны,
Назад не пришли.
Спасли миллионы,
Себя не спасли.

Не великий ли долг перед павшими заставляет порой и в мирной жизни успевать делать многое! Во всяком случае, в характере Михаила Львова как бы навсегда прижилась эта фронтовая напористость, умение работать неистово и бессонно.

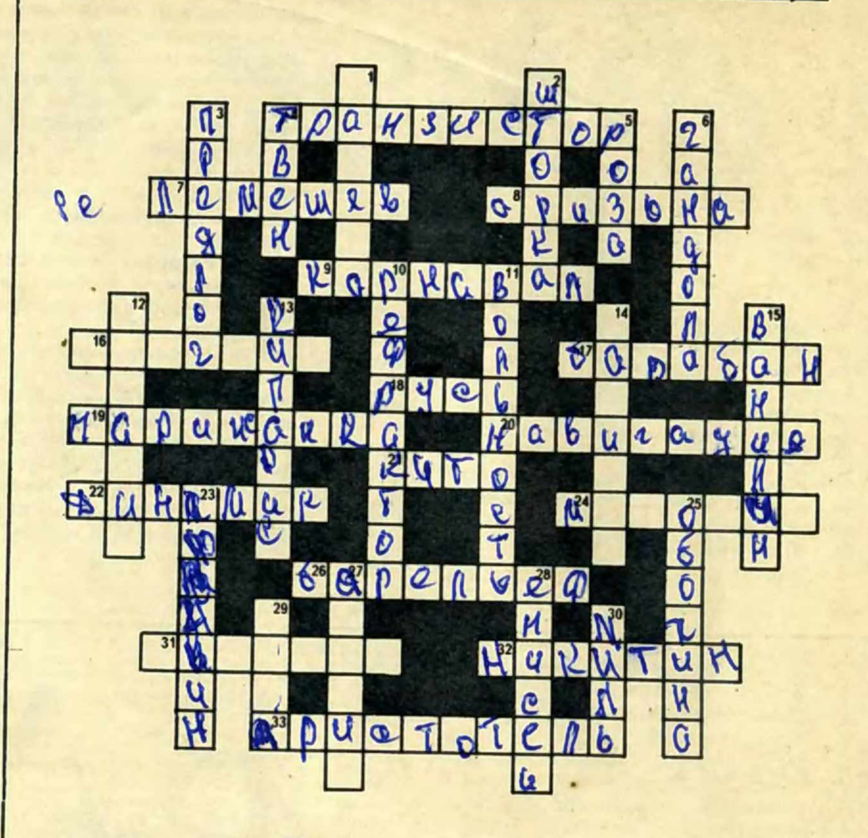
Результатом именно такого труда и являются, на мой взгляд, его книги. В них и задушевная лирика, и размышления о гордой судьбе нашей многонациональной Родины и своя маленькая Лениниана. И все-таки постоянно Михаил Львов верен военной теме. Наверное, потому, что, причинив много бед и болей, война научила глубже понимать и значение нашей общности и значимость общего счастья. Ведь как точно и просто пишет Львов:

...когда победили,
Все мы счастливы были —
Все селенья и семьи.
Все полки и все части.

Быть счастливым со всеми —
Это высшее счастье!

Шесть десятков лет за плечами Михаила Львова, за этот внушительный срок он, конечно же, испытал высшее счастье — быть счастливым со всеми.

Олег ЗВЕРЕВ

По горизонтали: 4. Полупроводниковый триод. 7. Певец, народный артист СССР. 8. Штат США. 9. Массовое народное гулянье. 16. Полярная птица. 17. Ударный музыкальный инструмент. 18. Картина И. И. Шишкина. 19. Стихотворение В. Маяковского. 20. Сезон судоходства. 21. Столица Эквадора. 22. Громкоговоритель. 24. Средний каменный век. 26. Скульптурное изображение. 31. Курорт в Армении. 32. Русский поэт. 33. Древнегреческий мыслитель.

По вертикали: 1. Пьеса Бальзака. 2. Деталь затвора фотоаппарата. 3. Часть речи. 4. Американский писатель. 5. Цветок. 6. Венецианская лодка. 10. Тип телескопа. 11. Ода А. С. Пушкина. 12. Помещение для содержания подопытных животных. 13. Вечнозеленое хвойное дерево. 14. Спутник планеты Юпитер. 15. Душистое вещество, употребляемое в кулинарии. 23. Млекопитающее отряда китообразных. 25. Край дороги. 27. Декоративное растение семейства мимозовых. 28. Река в Сибири. 29. Опера Д. Верди. 30. Советский конструктор вертолетов.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 2

По горизонтали: 7. Стивенсон. 8. Воронихин. 10. Водолаз. 11. Шарада. 12. Грибов. 14. Арена. 16. «Перекоп». 18. Шикотан. 19. Лексикография. 22. Мотобол. 23. Пунктир. 24. Скетч. 28. Самшит. 29. Ригель. 30. Сопилка. 31. Тектоника. 32. Ассистент.

По вертикали: 1. Ставангер. 2. Неруда. 3. Морошка. 4. Команда. 5. Янтарь. 6. Гигрограф. 9. Корреспонденция. 13. Берлиоз. 15. «Коляска». 17. Поссл. 18. Штамп. 20. Комбайнер. 21. Чиполлино. 24. Сирокко. 25. «Черкесы». 26. Нитрон. 27. Бирюса.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Вечерняя заря с борта космического корабля «Союз-22».

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Художник С. Бронштейн. Дом-музей В. И. Ленина в Горках. * Беседка, где любил отдыхать В. И. Ленин. (Линогравюры). Выставка «Ленинские места в Горках».

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ, Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Н. И. БУДКИНОЙ.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 258-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-32-45.

Сдано в набор 27/XII—1976 г. А 09202. Подп. к печ. 11/I—1977 г. Формат 70 × 108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 30. Тираж 2 050 000 экз. Заказ № 3223.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

И ремесло и вдохновенье...

Урок ведет Г. А. Грановская.

Л. ЛУКЬЯНОВА
Фото И. ТУНКЕЛЯ, Л. ШЕРСТЕННИКОВА

В ГУЦЭИ — Государственном училище циркового и эстрадного искусства — узкие коридоры, вьющиеся вокруг манежа, совсем не похожие на обычные институтские, полные шума и разговоров. Это какие-то очень серьезные коридоры. Деловые, что ли... И каждый встретившийся здесь тоже серьезен и сосредоточен. Когда я пришла сюда в первый раз, то чуть не столкнулась с одним студентом: он жонглировал булавами и при этом оглушительно выбивал чечетку на стареньком, выщербленном паркете, шел, никого не видя перед собой, словно был единственным, ради кого построено училище и кто непременно должен оправдать возложенные на него надежды. Помню, я тогда позавидовала педагогам училища: даже в перерыве между занятиями прилежные ученики не устают совершенствоваться! Потом, правда, выяснилось, что студенты здесь, как и везде, разные. Но ощущение сосредоточенности всех обитателей этого уютного дома на московской тихой улице Ямского поля, сосредоточенности на главном — искусстве, мастерстве,— не покидало меня долго.

Я иду мимо аудиторий, где занимается эстрадное отделение. И разнобой голосов, доносящихся из-за закрытых дверей, похож сейчас на звуки оркестра, настраивающегося перед увертюрой.

...Урок как урок. Обычный, по расписанию. За столом педагог отделения эстрады Ганна Алексеевна Грановская. У пианино — концертмейстер. Напротив — ученик. Здесь, как в уравнении: ученик — это неизвестное. Неизвестное по многим причинам. Чаще всего, придя в училище, студент еще не знает, чего он хочет. Или же если знает, то его «хотение» выражается весьма неопределенно. Одна студентка заявила как-то Ганне Алексеевне: «Я собираюсь петь на иностранных языках». Другая призналась, что ей все равно, чем заниматься, но только чтобы номер ее непременно был с разноцветными огнями... Вот и такое бывает.

Поначалу, когда на занятиях у Грановской я видела тех, с кем она занимается уже давно, мне казалось, что так все и было с самого начала. Вот Лена Ткачева. Словно и родилась-то она специально для того, чтобы читать русские сказки. Пластичные, выразительные руки, радостная улыбка, серьезные круглые глаза. Выходи на эстраду, рассказывай свои сказки — будут слушать.

Но это лишь потом все образовалось, стало на свои места; Лена-то, может, и вправду для сказок родилась — только она об этом не знала. Знал педагог. Но ведь и он тоже человек, а не компьютер. «Вот и пробуешь то одно, то другое. Были и стихи, и песни, и новеллы... Пока-то до сказок добрались...»

Кстати, интересные сказки тоже не приходят сами собой. Их надо искать. И то, что читает Лена сказки уникальные, почти неизвестные, заслуга пока не ее; и то, что Надя Сорокина, другая ученица Грановской, поет старинные русские плачи, песни, на нашей эстраде пока неизвестные,— это тоже работа педагога. Где разыскивает Ганна Алексеевна эти песни, сказки, стихи, как удается ей решать магическую репертуарную проблему,— для меня так и осталось загадкой, хотя сама она из этого секрета не делает. «Просто надо искать, пробовать...» А на эти пробы нужно еще и время.

Галина Фролова и Владимир Плохов окончили училище несколько лет назад, много выступают, стали дипломантами V Всесоюзного конкурса артистов эстрады. Но Грановская занимается с ними по сей день. Зачем? Казалось бы, все благополучно: почетный диплом, интересная работа,— как же должен быть доволен педагог! По логике сложившегося штампа сейчас и следует написать, что Грановская как раз боится этого пресловутого благополучия и продолжает воспитывать в своих учениках благородное стремление к поиску. Фразы эти хоть и будут верны, но, к сожалению, ничего не объяснят. Что это значит: бояться благополучия и стремиться к поиску? Благополучие здесь — это привычка к уже сделанной работе, к знакомому репертуару: оно может обернуться повторением известного, а потом и потерей интереса к работе, а на этом артист кончается. Стремление же к поиску именно и означает буквальный поиск нового: новых песен, сказок, притчей, всегда для них интересных. «Я хочу, чтобы они плавали в репертуаре, как в знакомой речке,— говорит Грановская.— Чтобы в любом концерте, в любой тематике, при любом настроении они чувствовали себя легко и свободно».

Лишь при полной свободе владения собой возможна импровизация. То, что мы называем творчеством.

Когда же приходит эта свобода? Как она достигается?

Вернемся на урок. Небольшая аудитория, лампы дневного света. Педагог. Ученик. Все обыденно, привычно. Но тем беспримерней муки будущего артиста. Ни о какой свободе пока не может быть и речи. Руки, вместо того чтобы взлететь, дергаются, как у марионетки. Голос, недавно звонкий, пропал. Оттого, что не получается одно, не выходит другое, мучаешься собственным бессилием; стыдно и себя и педагога. И кажется, что мучение это бесконечно. Ганна Алексеевна называет этот период: «Все отдельно». Движения рук, глаз, поворот головы, даже голос и текст — все отдельно. В какой-то момент приходит отчаяние. «Обязательно приходит,— чуть ли не радостным голосом говорит Грановская.— Упражнения вдруг кажутся ученику бессмысленными, открытия, которые радуют нас обоих, тут же исчезают. Вот где он, актерский пот и слезы...»

Но работа есть работа. Легкой не будет. И вот бьются ученик и учитель. Один — смутно представляя, что же там, впереди. Другой — твердо зная то, к чему ведет подопечного. «Мне важно не только, чтобы я увидела его суть, но чтоб он сам ее понял. Тогда ему интересно станет. Про это забывать нельзя. Без интереса к работе артист невозможен».

Проходят дни, потом недели утомительных занятий. Кажется, что нужно было идти куда угодно — в инженеры, в кондитеры. Только не в артисты. А потом вдруг настает момент, когда все меняется. И сразу же вспоминается сказка с ее обязательными чудесами, когда Иванушка-дурачок становится Иваном-царевичем, а Царевна-лягушка — соответственно ослепительной красавицей. Уровень превращения примерно тот же.

— Я не учу вдохновению. Я ремеслу учу. Мне нужно, чтобы они профессионалами стали. Тогда они способны к творчеству.

Когда одну известную актрису спросили, как она работает над ролью, то она ответила: «Сначала у меня ничего не получается. Но я репетирую, репетирую, репетирую. И, наконец, вижу: получилось».

1.

2.

1.

Русская сказка
в исполнении Е. Ткачевой.

2.

Сценки старой эстрады:
Б. Иванов.

3.

Г. Фролова и В. Плохов —
дипломанты Всесоюзного
конкурса артистов эстрады.

4.

Н. Сорокина —
будущая певица,

Цена номера 35 коп.

Индекс 70663